человек загадка
Константин
ПИСАРЕНКО
ЗАГАДКИ
РАСКОЛА
ПАТРИАРХ
НИКОН

Константин Анатольевич Писаренко

Патриарх Никон. Загадки Раскола

Серия «Человек-загадка»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654955
Патриарх Никон. Загадки Раскола: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2296-0, 978-5-4444-8336-7

Аннотация

Кем был этот удивительной судьбы человек из заурядной деревни в русском Поволжье? Никон – фигура в истории России одна из ключевых. Благодаря ему московское государство успело воспользоваться уникальным шансом быстро и малой кровью вернуть утраченный в годы Смуты Смоленск и объединиться с близким этнически и по вере народом – малороссийским казачеством. К сожалению, Никон не смог избежать и роковых ошибок, обернувшихся для страны войной долгой и мучительной, и вдобавок на два фронта (с двумя мощными европейскими державами – Польшей и Швецией). Найти в себе силы признать собственную неправоту и вовремя исправить допущенную ошибку он не смог… И все же именно благодаря ему Россия, пусть и с жертвами, подчас неоправданными, но все же преодолела и изготовилась к новому рывку вперед, к тем свершениям, которые в XVIII веке превратят страну в одну из великих держав Европы и мира.

Содержание

Глава 1. Простой смертный 5
Глава 2. Кожеозерский игумен 10
Глава 3. Новоспасский архимандрит 14
Глава 4. Накануне соляного бунта 20
Глава 5. В вихре восстания 25
Глава 6. Церковная реформа 31
Глава 7. Переосмысление прежних взглядов 36
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Константин Писаренко
Патриарх Никон. Загадки Раскола

© Писаренко К.А., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

Глава 1. Простой смертный

Ничто не предвещало того, что мальчик Никита, рожденный в мае 1605 года в обыкновенной нижегородской семье, менее чем через полвека возглавит огромное московское государство, чтобы вернуть русскому народу веру в себя, утраченную на заре века, в эпоху Смуты. Правда, заплатить за это пришлось очень дорого – знаменитым церковным Расколом, который по причинам личного характера наш герой не сумел пресечь в зародыше. Историки до сих пор спорят, кем были его родители – марийцами или мордвинцами. Протопоп Аввакум настаивал на первом. Второе «вычислили» из сочинения Ивана Шушерина, служившего у Никона иподиаконом. Мемуарист назвал родиной патрона село Вельдеманово в Нижегородском крае. А в нем проживало в основном мордовское население. Между тем Аввакум близкого знакомства с Никоном и до ссылки в Сибирь, и тем более после возвращения оттуда не водил, и опираться на его пропитанные неприязнью признания опрометчиво. Так что, увы, подлинная национальность великого патриарха неизвестна. Как неизвестно и многое из первых сорока лет жизни «святейшего государя». То же, что мы знаем, сохранилось в анналах истории благодаря Шушерину, видевшему и слышавшему нашего героя чуть ли не ежедневно.

Именно он пусть кратко, но обрисовал детские и молодые годы Никона. Потерю в малолетстве матери Мариамны Гавриловны («Маньки», по выражению Аввакума). Ненависть мачехи, изо дня в день притеснявшей и даже пытавшейся убить пасынка. Колебания отца Мины Васильевича («Миньки», по словам Аввакума), то защищавшего сына, то поддерживавшего сварливую жену. Немудрено, что едва подросший отрок в какой-то момент сбежал из дома и укрылся от деспотичной женщины в одном из нижегородских монастырей. Шушерин назвал Макарьевский Желтоводский, однако, судя по документам – несудимой грамоте патриарха Филарета 1628 года и духовному завещанию игумена Авраамия 1640 года, – активным восстановлением разоренной в XV веке татарами обители Авраамий занялся около 1629 года. Так что не в нем спрятался отрок.

Поневоле став певчим и послушником, Никита вскоре обнаружил, насколько по сердцу ему самоизоляция внутри монастырских стен, в кругу монахов и разного рода паломников. И когда отец все-таки разыскал пропащую душу, та вернуться обратно в отчий дом согласилась не прежде, чем посыльный сообщил, что батюшка при смерти. Хитрость оказалась пророческой. Никита, конечно, примчался в родные пенаты и обнаружил главу семейства с домочадцами… «во здравии сущих». Правда, не успели все нарадоваться долгожданной встрече, как Мина Васильевич скоропостижно скончался. Кстати, имена двух дедов Никона – по отцу и матери – сохранились благодаря поминальным записям в синодиках XVII столетия. Там же запечатлены и имена братьев Никона – Симеон, Никифор, Григорий. Они явно не мордовские и не марийские. Судя по ним, будущий патриарх по национальности – русский.

Разумеется, осиротевший юноша собирался возобновить отшельничество в монастыре. Но родня убедила его остаться, вступить в наследство, жениться, обзавестись детьми. Напрасно. Воспоминания о монастырской жизни не отпускали, манили Никиту Минича и в итоге сорвали с насиженного места для изыскания «жития своего при церкви Божией». В сопровождении супруги, конечно. Если верить Шушерину, то с миром будущий патриарх простился «в некоем селе», не имевшем в одном из храмов священника. Видно, вакансия возникла давно и пользовалась дурной славой, раз ее отдали человеку со стороны и к тому же мирянину. Стоило Никите Миничу лишь пожелать возглавить заброшенный приход, и его тут же, без проволочек посвятили в сан.

И все бы хорошо, не покинь самоотверженный поп «по малом же времени… того села» с целью переезда «в царствующий град Москву». Причина появления молодого священника

в столице, к сожалению, покрыта мраком. Сбежал ли он, не справившись с трудностями? Обратил ли на себя внимание высшего духовного начальства, захотевшего познакомиться с героем? Или к истине ближе иное объяснение? Претендент и не думал оставаться в том селе. Ему приглянулся легкий способ обретения чина иерея. Заполучив это звание, он, понятно, под благовидным предлогом из глухого уголка ретировался… в Москву, добиваться более выгодного назначения. Точных данных на сей счет нет. Утверждения о приглашении неких московских купцов не более чем домысел биографов XIX века. Как и устоявшееся в историографии мнение, будто та самая сиротская церковь располагалась в селе Лыскове, богатой вотчине боярина Б. И. Морозова. Либо в Колычеве…

Впрочем, о мотивах отъезда можно судить по странному повороту в судьбе супружеской четы – вдруг возникшему у обоих намерению постричься в монашество. Жена ушла в московский Алексеевский девичий монастырь. Муж выбрал для аскетичного бытия далекую окраину Московского государства – Анзерский скит на одноименном малом острове Соловецкого архипелага. Шушерин, естественно, обосновал их поступок высокими соображениями – разочарованием в «суете мира сего» и поиском «удобных путей ко спасению». Правда, иподиакон далее упомянул о смерти трех детей Никиты Минича «во младых летех», и трагедия та предшествовала решению супругов. Она, несомненно, и повлияла в первую очередь на поведение каждого. Догадаться, как оба расценили страшную потерю, несложно. Господь покарал за прежние грехи! Серьезные грехи, совершенные ими… А какие, подсказывает хроника Шушерина. По ней выходит, что самый туманный эпизод в течение десяти лет супружества связан именно с таинственным посвящением обыкновенного «бродяги» (выражение Аввакума) таинственным архиереем (таково правило) в таинственном селе сразу во вторую степень священства – иереи (первая – диакон). И раз иподиакон умолчал о деталях столь важного события, то, очевидно, потому, что не знал их. А скрыл от него те подробности Никон, явно стеснявшийся или стыдившийся того, что в том селе с ним случилось. Случился же, похоже, заурядный обман: жители доверились чужаку, пообещавшему им долгую и верную службу, убедили местного епископа нарушить традиционный порядок и рукоположить самозванца прямо в священники, а тот, достигнув цели, взял и вскоре сбежал из той глуши неведомо куда. В компании с женой, бывшей заодно с мужем.

И вот по прошествии нескольких лет пробил час расплаты. Провидение лишило обманщиков самого дорогого – детей. Нет, не воспетый Шушериным альтруизм, а раскаяние побудило пару отречься от земной «суеты». Главная вина лежала, безусловно, на Никите Миниче. Оттого он и пожелал подвергнуть себя более суровому испытанию – жизни отшельника в холодных северных широтах. Спрятаться от всех захотел в Анзерском скиту – в ту пору уже достаточно известному убежищу для монахов-отшельников. Основал скит преподобный Елеазар, калужанин, из купеческой семьи, по-видимому, в смутные годы ушедший на север и избравший для уединения Анзерский остров – второй по величине в Соловецком архипелаге. Жил он в скромной хижине, которую сам и соорудил подле установленного им же креста – места ежедневных молитв и бдений. Елеазар близко сошелся, подружился с игуменом Соловецкого монастыря Иринархом. Это приятельство и стало отправной точкой для быстрого распространения по Святой Руси славы о благочестивом анзерском иноке.

Больше всего о том позаботился казначей Соловецкой обители Александр Булатников – правая рука игумена и искренний почитатель инока Елеазара. В 1621 году ему пришлось руководить строительством Соловецкого подворья в Москве. Монах привлек внимание царской семьи – государя Михаила Федоровича и старицы Марфы Ивановны. Они время от времени общались с Булатниковым, от которого и услышали много похвального об анзерском подвижнике. В том году иеромонах Варлаам с высочайшего позволения, данного в марте 1620-го, завершил возведение на Анзере деревянной церкви в честь Святой Троицы. Храм предназначался для десятка последователей Елеазара, постепенно перебравшихся на остров

с Соловков, чтобы рядом с учителем в таких же, как у того, кельях-шалашах вести праведный образ жизни. Царское добро и денежную помощь на молельный дом запросил у Москвы конечно же игумен Иринарх. Его обращение вызвало интерес царя и царицы к анзерцам, который и удовлетворил Александр Булатников, в мае 1622 года монаршим повелением ставший келарем Троице-Сергиевой лавры. С легкой руки нового завхоза главного монастыря страны преподобный Елеазар в 1624 году удостоился звания строителя Анзерского монашеского братства. В 1628-м оно получило одобренный царем устав, а летом 1633 года – полную независимость от соловецких товарищей. Анзерский скит превратился в автономное духовное сообщество, включавшее двенадцать иноков и несколько человек обслуживающего персонала. Так Михаил Федорович отблагодарил лидера братства, по особому приглашению монарха посетившего Москву, чтобы в келье Чудова монастыря усердными молитвами склонить Всевышнего на дарование царской фамилии сына. И чудо свершилось: 17 марта 1629 года у государя родился мальчик, нареченный Алексеем. В крестные царевича счастливые родители позвали, разумеется, Булатникова.

Принять постриг в сем святом месте и устремился из Москвы священник Никита в середине 1630-х годов. Напомню: членство анзерского братства ограничивалось двенадцатью монахами. Желающих попасть в это число имелось, наверное, немало. И среди соловецких иноков, и среди тех, кто обретался на материковой части России. Скит находился под покровительством Романовых. Следовательно, «конкурс» на каждую из двенадцати келий был высокий. На что же рассчитывал обыкновенный московский иерей? Определенно, на чью-то рекомендацию. Чью именно, неизвестно. Возможно, что и Хлоповых. Согласно одному из списков мемуара Шушерина, составленного в середине XVIII века, у них в домовой церкви Никон якобы служил до пострижения.

Между прочим на Марии Ивановне Хлоповой Михаил Федорович собирался жениться в 1617 году, затем в 1623-м. Свадьбу дважды расстроили. В первый раз – Салтыковы, царская родня по матери. Во второй раз – отец, патриарх Филарет. Салтыковы из ревности оклеветали невесту, объявив ее больной. Батюшка хоть и реабилитировал девушку, но венчаться на ней запретил, думая женить сына на какой-нибудь заморской принцессе. Тем не менее Михаил Федорович пронес через всю жизнь память о своей первой любви, любви настоящей, искренней, и к Хлоповым относился весьма благосклонно. Хотя сама несостоявшаяся невеста окончила дни в ссылке, в Нижнем Новгороде…

В инока Никона иерей Никита Минич преобразился на Анзере. Наверняка в присутствии самого Елеазара. По крайней мере как-то подозрительно быстро произошло сближение почтенного старца с приезжим из Белокаменной. Чему доказательство – визит преподобного в Москву в 1637 году. В компаньоны он взял… Никона. Создается впечатление, что положение первого ученика «москвичу» помогло добиться помимо благочестивого рвения и навыков в живописном искусстве (ему приписывается изображение Спаса Нерукотворного в анзерской Свято-Троицкой церкви) что-то еще. Та самая рекомендация из Москвы. Естественно, не Хлоповых, а более высокой, царской персоны. Кстати, в столицу отшельник отправился выпрашивать деньги на строительство подле деревянного каменного храма в честь Знамения Пресвятой Богородицы. Грамота Михаила Федоровича с соответствующим разрешением датирована 12 января 1638 года. Нужную сумму в двести рублей монарх тоже ассигновал. Вот из-за нее-то по возвращении на остров Елеазар и поссорился с Никоном. Ученик обвинил учителя в небрежении казенных средств. Старец не обеспечил надежной охраны привезенным из столицы деньгам и постоянно откладывал начало строительных работ, что и возмутило Никона. Опять же его смелость поразительна. На что уповал правдоискатель? Если на совесть преподобного, то он ошибся. Если на поддержку из Москвы, то и тут не угадал. Елеазар, как выяснилось, критику не переносил и против того, кто отважился

спорить с ним, сильно озлобился. А власть светская, увы, промолчала. В итоге конфликт завершился, по обыкновению, изгнанием из «рая» взбунтовавшегося подчиненного.

«В малом кораблеце с некиим христианином» Никон покинул остров и «поплыша морем к берегу земли». По дороге пережил шторм и едва не погиб. Волна выбросила судно на остров Кий, где путешественники водрузили деревянный крест в благодарность Богу «за избавление от морского потопления». От себя наш герой поклялся возвести на нем «монастырь Крестный». Дождавшись хорошей погоды, Никон с напарником продолжил путь в сторону устья Онеги, а оттуда отправился в Кожеозерскую пустынь. По свидетельству Шушерина, на Анзерском острове патрон прожил три года, в законном браке – десять лет. Сам владыка в жалованной грамоте Кийскому монастырю признался, что от гибели во время шторма спасся в 1639 году. Следовательно, из Москвы Никон ушел в 1635-м или 1636 году, женился в 1625-м или 1626-м, а до Кожеозерской пустыни добрался либо в том же 1639-м, либо уже в 1640 году.

Строения Кожеозерского монастыря. Современный вид

Процитируем Шушерина: «Никон прииде в Кожеозерскую пустынь, и тоя пустыни игумена и братию прося о принятии его. Они же безвкладно в той монастырь не принимаху. Ему же не имеющу что вкладу им дати, отда им и последния от своих трудов две книги: полуустав и каноник. Они же вземше те книги, с собою в той пустыни жити его прияша. В ней же живя он литургисаше, и по малом времени, сжалившися о уединенном пустынном житии, моли настоятеля той пустыни и братию, да отпустят его с их благословением на некий особный остров, во еже бы ему тамо устроя себе келлию и прежде приятное правило удобно было совершати.

Игумен же и братия, зряще на моление его, преклонившеся и из той пустыни с благословением отпусти его. Он же намереннаго своего острова дошед, и на нем келлию своими руками себе устроив, нача жити чином Анзерския пустыни». Иподиакон так деликатен и велеречив, что за красивыми формулировками смысл сообщения почти ускользает. Недаром историки уверены, что самоотречение Никона произвело неизгладимое впечатление на монахов, и те спустя год-полтора единодушно избрали «героя» своим новым игуменом. Однако если очистить подобострастную тираду от изысканной шелухи, то реальные события выглядят несколько иначе. Ученик Елеазара начал пропагандировать среди кожеозерцев порядки, заведенные в Анзерском скиту, и подбивать «братию» к большему аскетизму, что, естественно, мало кому понравилось, особенно руководящему составу. И когда терпение у старожилов иссякло, агитатора просто выпроводили вон, на «особный остров», предоставив ему полную волю в обустройстве на новом месте. Примечательно, что Никону на том острове никто, соблазнившись «чином» анзерским, компанию не составил. Так тот и молился в одиночестве, питаясь рыбой, выловленной собственными руками. К слову, у анзерцев голова о провизии не болела, ибо поставками на остров всего необходимого занимались светские власти по прямому указанию царя.

Глава 2. Кожеозерский игумен

На обороте сто сорок первого листа вкладной книги Кожеозерского монастыря зафиксировано пожертвование «игумена Никона» в размере 45 рублей (двадцать – деньгами и двадцать пять – вещами), внесенное им в монастырскую казну после либо избрания в начальники, либо церемонии, на которой митрополит Новгородский Афоний хиротонисовал его в этом звании. Рядом дата – 7150 год, то есть в период между 1 сентября 1641-го и 31 августа 1642 года. Вспомним, с чем пришел он в обитель, которую возглавил? С двумя рукописными книгами. Ни копейки, ни чего-либо другого ценного при нем не было. На острове Никон тоже обретался нищим и на рыболовстве, разумеется, ничего не скопил. Откуда же у него такая приличная сумма? Ответ очевиден: от богатого спонсора!

Есть точка зрения, что этот спонсор – кожеозерский монах Боголеп, в миру Борис Васильевич Львов, родной младший брат дьяка Посольского приказа Григория Васильевича Львова, дьяка Посольского приказа и учителя русского письма царевича Алексея Михайловича. У данной версии наблюдается существенный изъян. Боголеп Львов, переехавший в кожеозерский Богоявленский монастырь с Соловков на год раньше Никона, щедро одаривший обитель денежно и имущественно, сам претендовал на роль как минимум неофициального главного командира кожеозерцев. Посему содействовать возвышению человека, плохо управляемого извне, он конечно же не мог. А Никон и являлся таким – с независимым характером, способным перечить любому и по любому поводу.

Значит, «избирательную кампанию» отшельника профинансировал кто-то другой. Тот, кто, во-первых, не желал, чтобы монастырем фактически управлял Боголеп Львов, во-вторых, обладал высоким авторитетом среди иноческих братств севера страны. Обнаружить таинственного покровителя несложно. Стоит лишь внимательно рассмотреть экземпляр «Евангелия», который Никон презентовал Новоиерусалимскому монастырю на Истре в 1661 году, и прочитать владельческую надпись прежнего хозяина: «Евангелие старца Александра Булатникова». Весной 1642 года крестный царевича вернулся на Соловки. Вернулся опальным, потерявшим пост троице-сергиевского келаря, потерпевшим поражение в борьбе за контроль над ведущим монастырем государства. Обыграл Булатникова троице-сергиевский казначей Симон Азарьин, близкий друг Боголепа Львова. Похоже, проезд старца по пути к Белому морю мимо кожеозерской обители совпал с кончиной ее игумена Ионы, и отставной келарь просто воспользовался ситуацией, особенно когда узнал, что здесь же по близости, на «особном острове», коротает дни в молитвах ученик преподобного Елеазара некто Никон. Слово Булатникова, даже утратившего прежний высокий статус, весило много. Как мог с ним, хорошо знакомым с самим царем, соперничать младший брат посольского дьяка?! К мнению такой важной персоны монахи прислушивались. Потому, видно, на выборах и отдали предпочтение его кандидату, а не Львова.

Никону просто повезло. Он оказался в нужном месте в нужное время. В эпицентре последнего, арьегардного боя между двумя группировками духовенства, в прошлом примкнувшими к разным придворным политическим партиям. Вообще-то партия имелась одна – антипольская, но расколотая на две фракции. Первая жаждала развязать войну с Речью Посполитой за возвращение Смоленска как можно быстрее. Вторая, наоборот, стремилась отсрочить войну, чтобы подготовиться к ней как следует. «Ястребов» возглавлял отец царя, Федор Никитич Романов, патриарх Филарет, «прагматиков» – друг детства и двоюродный брат царя князь Иван Борисович Черкасский. Сам Михаил Федорович колебался: разделяя точку зрения князя, по собственной воле перечить патриарху не отваживался. Робость преодолевал с помощью матери, старицы Марфы Ивановны. Благо та сочувствовала умеренному крылу патриотов.

Освобожденный из польского плена летом 1619 года, Филарет уже летом 1622-го собирался объявить королю Сигизмунду IV войну. 14 марта юный царь одобрил планы батюшки по мобилизации войск против поляков. Однако через неделю, 26-го числа, дезавуировал свой указ, уведомив всех, что ратники будут направлены на южный кордон, против татар. За спиной осмелевшего монарха стояла, разумеется, мать, с чем разгневанному патриарху пришлось считаться. Опираясь на Марфу Ивановну, князь Черкасский сумел продлить мирную передышку на десять лет. Но в 1632 году Филарет все-таки вынудил сына одобрить вторжение русской армии в Польшу. Чем закончилась двухлетняя битва за Смоленск, известно. Разорительным татарским набегом в район Тулы и Серпухова летом 1633-го, скоропостижной смертью инициатора авантюры патриарха Филарета в октябре, капитуляцией деморализованных, окруженных солдат воеводы Михаила Шеина в феврале 1634 года.

Расхлебывать «кашу», заваренную отцом государя, довелось Ивану Черкасскому. Именно он умудрился заключить с поляками почетный мир, после чего организовал строительство засечных черт на четырех дорогах, по которым татары совершали рейды в русские земли. До кончины в апреле 1642 года князь успел полностью перекрыть два пути – ногайский и изюмский шлях. Два других – муравский и кальмиусский – довольствовались частичным укреплением. Кроме того, Черкасский позаботился о наполнении звонкой монетой царской казны, опустошенной неудачной смоленской войной, и ослаблении межсословных противоречий. А еще приободрил соотечественников блестяще проведенной военной акцией, вошедшей в историю под громким названием «Азовское сидение». Без русских поставок оружия, боеприпасов и провизии, без тысяч русских волонтеров казаки, овладевшие дерзкой атакой Азовом, вряд ли удерживали бы крепость в течение пяти лет (1637–1642).

Церковь в стороне от политических баталий, увы, не осталась. За ускорение нападения на соседнюю страну активно ратовал Дионисий Зобниновский – с февраля 1610 года архимандрит Троице-Сергиевского монастыря. Это он благословил Минина и Пожарского на освобождение Москвы. Это его после Смуты обвинили в ереси, а реабилитировал и очистил от клеветы Филарет. Дионисий доверял патриарху безоговорочно. Между тем управлял архимандрит богатейшей монастырской вотчиной московской державы. Ее огромные средства святейший патрон вполне мог пустить на антипольскую войну. «Прагматикам» надлежало как-то нейтрализовать данную угрозу. Вот Черкасский и решил перебросить из Соловецкой обители в Троице-Сергиевскую Александра Булатникова, поручив иноку ключевую должность келаря, контролирующего расходные статьи монастыря. Михаил Федорович произвел знаковое назначение в мае 1622 года, через полтора месяца после срыва первой попытки втянуть Московское государство в военную авантюру.

Как складывались отношения двух уважаемых старцев, догадаться нетрудно. Плохо! Споры и конфликты следовали один за другим. Причем келарь не стеснялся в способах воздействия на оппонента. Оскорблял, унижал, а то и бил приверженца Филарета. Тем не менее задачу, поставленную перед ним, выполнил. Напрасное истощение монастырской казны предотвратил. В мае 1633 года Дионисий Зобниновский скончался. Но торжествовать Булатникову не стоило. За двадцать лет руководства обителью архимандрит собрал вокруг себя кружок интеллектуалов, с увлечением изучавших антикатолическую книжность Киевской митрополии, этические мировоззрения Иоанна Златоуста и Максима Грека. Одним из молодых членов кружка и был Боголеп Львов. А верховодил в нем его приятель и любимый ученик Дионисия Симон Азарьин. В 1634 году монахи избрали Азарьина казначеем монастыря, и тот не преминул отомстить обидчику учителя. Задействовал все связи и ресурсы, чтобы дискредитировать крестного царевича в глазах и государя, и фактического «диктатора» Московии князя Черкасского. Осуществил задуманное в 1641 году. Булатников угодил под следствие, по итогам которого в январе 1642 года ему пришлось покинуть и пост келаря,

и окрестности Москвы. Возвращение домой, на Соловки, совпало с выборами нового игумена в Богоявленском монастыре на Кожеозере, где де-факто заправлял всем Боголеп Львов. Ну разве мог опальный инок не воспользоваться оказией и не попробовать протолкнуть в начальники кожеозерского братства своего ставленника, которого и нашел на «особном острове», недалеко от монастыря. Благо тот оказался из числа учеников Елеазара Анзерского…

Итак, весной или летом 1642 года Никон возглавил Богоявленский монастырь на Кожеозере. Для обители его избрание обернулось благом. Михаил Федорович расстался с Булатниковым неохотно, судя по всему, под давлением извне. Недаром царь в грамоте на имя игумена Соловецкого монастыря Маркелла предписал братии поселить старца в «келье доброй», обеспечить всем необходимым, уважаемого крестного царевича и царевен «покоить» и «чтить». Понятно, что к любому обращению «пенсионера» царская семья прислушивалась. Не этим ли объясняется высочайшая щедрость, излившаяся на Кожеозерский монастырь при игумене Никоне. Он управлял монастырем около четырех лет, при основателе династии и того меньше – три года. Однако за эти три года царь пять раз пожаловал подопечных Никона. Впервые – 14 марта 1643 года. Кожеозерской братии позволили беспошлинно продать в Каргополе и Вологде две тысячи пудов соли. После того и двух месяцев не прошло, как 3 мая государь отдал монастырю Калитинскую деревню с сенными покосами и рыбной ловлей в вечное пользование. 26 марта 1644 года монахи получили на десятилетний оброк «малую сторону реки Онеги». Еще через год, 1 февраля 1645 года, их наградили правом ловли семги в районе деревни Чижиково, а 26 мая того же года – тарханной грамотой на сборные подати с солеварен. Мало того, поощрения по линии государства дополнялись пожертвованиями лично от членов царской фамилии. Михаил Федорович подарил псалтырь и десять рублей, Алексей Михайлович – стопудовый колокол и пятьдесят рублей, Татьяна Михайловна – кипу собственноручно вышитых полотенец и шесть рублей и т. д.

Кому же глухой уголок обязан свалившимся на него благосостоянием? Историки либо обходят эту тему стороной, либо называют братьев Львовых. Однако сомнительно, чтобы высокопоставленный чиновник Посольского приказа имел такой вес в глазах Михаила Федоровича. А вот Булатников, как мы видели выше, подобным весом обладал. И, кстати, не пообещал ли он инокам добиться для них выше означенных льгот и привилегий за избрание игуменом непризнанного ими выходца из анзерской монашеской братии? Не в протекции ли старца Александра кроется секрет успеха Никона в должности кожеозерского игумена?

Как относился Боголеп Львов к счастливому сопернику, понятно. С едва скрываемой неприязнью и завистью. Но на первых порах, зная о силе Булатникова, вынужденно помалкивал. Впрочем, вскоре младший брат Григория Львова, похоже, воспрял духом. Возникла идея, как, не ссорясь ни с кем, избавиться от протеже влиятельного старца. Среди записей вкладной книги Кожеозерского монастыря о пожертвованиях в монастырскую казну Г. В. Львова сохранилась одна, крайне интересная. Приведем ее: «Да во 153-м году, что были занеты в кабалу денег сто рублев (а занял те денги игумен Никон, как был на Москве) и во 154-м, как был брат ево родной старец Боголеп Лвов на Москве, и те денги заемныя Григорей Васильевич дал вкладом в монастырь по себе и по своих родителех. А кабала, что была на игумена Никона, и он ту кабалу в тех заемных денгах выдал».

В 7153-м, то есть до 1 сентября 1645 года. В 7154-м означает между 1 сентября 1645-го и 1 сентября 1646 года. Никон приезжал в Москву, скорее всего, еще при Михаиле Федоровиче и, судя по цитате, уехал из столицы должником братьев Львовых. Смысл происшедшего очевиден. Сто рублей – деньги великие, и Никон едва ли способен, не залезая в монастырскую кубышку, наскребсти ту же сумму для отдачи в срок. Ему грозила кабала вплоть до холопства, а спасение сулил… взаимовыгодный обмен: он покинет монастырь; Львовы простят ему долг. Полагаю, Никон добровольно пошел на эту сделку, чтобы осуществить какой-то важный проект, на который денег не хватало.

Однако менее чем через год случилось что-то, побудившее Львовых долг простить, а «кабальные» сто рублей переквалифицировать во вкладные, подаренные монастырю. Причину подобной метаморфозы помогают понять, во-первых, переезд Никона к лету 1646-го с Кожеозера в Москву, во-вторых, политическая ситуация в самой Москве. Четыре года благополучного игуменства увенчало успешное завершение тяжбы с крестьянином, захватившим в Каргополе двор, принадлежавший кожеозерцам. В марте 1646 года Алексей Михайлович вынес приговор в пользу монастырского братства. Тогда же имя Никона в монастырских бумагах было упомянуто в последний раз.

Глава 3. Новоспасский архимандрит

Искать у Шушерина объяснение переселению игумена в Москву тщетно. Иподиакон в данном вопросе предельно лаконичен: по «монастырским нуждам… поиде он в царствующий град Москву… живущу же ему в… Москве и нужды монастырские исполяющу, познан бысть от великаго самодержца и поставлен святейшим Иосифом патриархом московским и всеа России во архимандрита в Спасов монастырь на Новое». Обо всем самом интересном биограф умолчал или и вправду не знал ничего о подоплеке появления патрона в Москве. Попробуем разобраться в этой тайне.

Начать стоит с 13 июля 1645 года – дня воцарения шестнадцатилетнего великого государя Алексея Михайловича и… автоматической рокировки лидера внутри правящей коалиции. Она образовалась из двух боярских группировок. Первую, лояльную царю Михаилу Федоровичу возглавлял Алексей Михайлович Львов, «дворецкий», главный судья приказа Большого дворца. Второй, лояльной великому князю Алексею Михайловичу, командовал Борис Иванович Морозов, «дядька», воспитатель царевича. Смена царствующего лица обусловила и смену фактического главы правительства. При Михаиле Федоровиче им был А. М. Львов, при Алексее Михайловиче им стал Б. И. Морозов. Официально пост первого министра, контролировавшего приказы Разрядный, Стрелецкий и Большой казны, занимал Федор Иванович Шереметев. Переходный период продолжался чуть более полугода, пока в январе 1646 года вышеназванные ключевые должности не перешли в руки Морозова.

«Дядька» молодого царя активно ратовал за возобновление курса И. Б. Черкасского на подготовку войны с Польшей за возвращение Смоленска, после смерти князя практически замороженного. Борис Иванович его разморозил. Прежде всего сформировал и отправил за границу три посольства. Боярин Василий Иванович Стрешнев в январе 1646 года поехал в Варшаву зондировать обстановку во враждебном стане. Окольничий Григорий Гаврилович Пушкин в марте поспешил в Стокгольм за гарантиями соблюдения шведами Столбовского мира 1618 года. Наконец, Илья Данилович Милославский в июле 1646-го устремился в Голландию, в Гаагу налаживать поставки в Россию современного оружия и нанимать специалистов в военном и оружейном деле. Внутри страны сосредоточились на мобилизации ресурсов для ведения длительной войны и укреплении южных рубежей. Летом 1646 года Морозов организовал строительство Муравской засечной черты – тридцатикилометрового земляного вала от реки Северный Донец у Белгорода до реки Ворскла с разветвленной системой вспомогательных фортификаций. Ровно через год, летом 1647 года, взялись за Кальмиусский шлях, протянувшийся от реки Оскол до реки Тихая Сосна. К осени осилили половину пути, закончить собирались в 1648 году.

В марте 1647 года Морозов конфисковал в казну Тульский оружейный завод, воспользовавшись ссорой между основателями предприятия – иностранцами Питером Марселиусом, Тилманом Акемой и Андриесом Виниусом. На нем, как и на казенном Пушечном дворе, развернулось интенсивное производство вооружений – пушек, мушкетов, пистолей, холодного оружия. В больших объемах из селитры выпускался порох. Повсюду вербовались волонтеры в полки солдатские (пехота), драгунские (мобильная пехота) и рейтарские (конная пехота). Большим тиражом в августе 1647 года увидел свет европейский воинский устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», написанный И. Валльгаузеном. Разумеется, деньги на все требовались колоссальные. Откуда Морозов их черпал? Из самых разных источников. И тотальной экономией не брезговал, и таможенные пошлины повышал, и главного налогоплательщика – посадских – брал на поголовный учет, и европейский опыт заимствовал, и изобретал что-нибудь оригинальное.

К сожалению, толку от большинства мероприятий было мало. Иноземцы в надежде на дипломатическое заступничество родных держав заметно снизили торговые обороты. Расчет на введенный в феврале 1646 года косвенный – соляной – налог не оправдался. Потребление продукта сократилось, а с ним и доходы от продажи соли. Зато выросло народное недовольство дороговизной ценного товара. В итоге в декабре 1647 года реформу отменили. Выявление и выдворение восвояси беглых мастеровых из малых и крупных городов оказывалось и затратным, и невыгодным. Пока эти люди вновь начинали выплачить в казну подати, проходило слишком много времени, которого у Морозова почти не было. Аналогичный эффект наблюдался и от учреждения госмонополии на продажу табака. Заморская диковинка раскупалась медленно и большими доходами не радовала.

Первому министру поневоле пришлось прибегнуть к единственному «оптимальному» способу – вымогательству. Приблизительно с весны 1647 года из народа принялись в прямом смысле выбивать деньги силой. Где-то это делали хитроумно, а где-то без всяких изысков, грубо и нагло, как в Москве. Московский метод и запомнился прежде всего современникам, а в историю вошел под именем «плещеевщина». Назвали его так в честь Леонтия Степановича Плещеева, 15 августа 1647 года ставшего главным судьей Земского приказа. Он и развернул кампанию по форсированному выколачиванию денег из столичных жителей. Конвейер закрутился следующий: поиск «злодея» с поличным, привод в Земский приказ, исчезновение пострадавшего истца и долгое сидение «приводного человека» под караулом, пока несчастный узник не поймет, что домой без выкупа не вернется. А «поличное», обыкновенно, жертве либо давали подержать, либо продавали, а нередко и просто клеветали на прохожего.

Конечно, случались и промахи, когда арестант попадался из «молодчих» или «бедных». За полгода безгрошовый контингент занял едва ли не полтюрьмы, и тогда Морозов, хорошо знавший, какому субъекту доверил Москву, выступил в качестве адвоката москвичей. 23 февраля 1648 года Боярская дума распорядилась: «Кто приведчи с поличным, а о указе бить челом не учнет неделю, и тем отказывать». С того момента Плещеев располагал семью днями, чтобы раскусить, кого подцепил на крючок, после чего «мелкую рыбешку» отпускал на волю, а к «крупной» вызывал истца, оформлял «битье челом», и лишь потом тот испарялся уже навсегда…

Ко всем вышеперечисленным проблемам добавлялась еще одна – самая важная – реакция на политику Морозова царя Алексея Михайловича, 17 марта 1646 года отпраздновавшего семнадцатилетие. Вдруг юноша захочет проявить самостоятельность, вследствие которой из миролюбия попробует возразить опекуну или, наоборот, в патриотическом рвении ринется вперед раньше времени и навредит главному делу? Борис Иванович, безусловно, опасался подобного развития событий и постарался нейтрализовать потенциальную угрозу. Каким образом? Ответ очевиден: молодого человека нужно отвлечь от государственных дел чем-то иным, ему крайне интересным. И кому, как не «дядьке» царя, быть в курсе всех пристрастий и симпатий Алексея Михайловича! Естественно, Морозов ведал, к чему больше всего лежит душа государя, – к церковным правилам и церковной литературе. Вот на что-то необычное, удивительное из этой области Борис Иванович и обратил внимание монарха, а именно на кроткого священнослужителя Стефана Ванифатьева. «Муж благоразумен и житием добродетелен, слово учительно во устех имеяй… глаголаше от книг словеса полезныя, увещевая со слезами… ко всякому доброму делу» – так о нем отзывались современники. Именно такого склада, «учительного», духовный отец «регенту» России и требовался. Незадолго до венчания на царство августейшего отрока Морозов и назначил Ванифатьева протопопом Благовещенского собора, который по совместительству исполнял обязанности духовника самого царя.

Протеже первого министра легко добился того, что желал вельможный покровитель. Искренность Ванифатьева, красноречие и начитанность, тихий нрав подкупали и собеседника, умудренного жизнью. Что же говорить о молодом венценосце. Алексей Михайлович довольно быстро заразился идеями нового духовника и с головой ушел в мир православных обрядов, канонов и текстов. К тому же юноша внимал учителю не в одиночестве, а в компании с другим сверстником, набожным и неплохо образованным. 8 сентября 1645 года Федор Михайлович Ртищев, рядовой стряпчий, сын лихвенского дворянина, вдруг удостоился права служить у «государя в комнате, у крюка». Ясно, кто позаботился о том. Похоже, Морозов стремился создать подле царя подобие религиозного кружка, изучающего и обсуждающего проблемы благочестия русского народа. И чем больше членов, лояльных царскому «дядьке», в нем состояло бы, чем оживленнее они спорили между собой, тем позднее у монарха пробудился бы интерес к управлению государством.

Понятно, что к рекрутированию новых «боголюбцев», как вскоре окрестят единомышленников Ванифатьева, подключилась вся команда Морозова, в том числе и думный дьяк Григорий Васильевич Львов, возглавлявший с сентября 1643 года Посольский приказ. Как мы помним, у Львова на Кожеозере обретался родной брат, ученый монах, некогда участвовавший в литературных изысканиях друзей Дионисия Зобниновского. Пренебречь им, книжником, практиком, родственником ближайшего соратника, первый министр России не мог. В итоге весной 1646 года в Кожеозерский монастырь помчался курьер звать инока Боголепа в Москву. Однако тот отправляться в столицу и покидать укромный, тихий уголок на Кожеозере не желал. Быть подлинным хозяином сотней монахов у себя в обители его прельщало больше, чем богословские беседы в царском тереме с непредсказуемыми последствиями. Впрочем, просто так отвергнуть официальное обращение московской власти Львов-младший, естественно, не посмел бы. Что ж, не хочешь ехать сам, пошли замену. Благо таковая у него имелась в лице игумена Никона, мешавшего Боголепу окончательно взять монастырь под свой контроль. Да, в том же 1646 году волевой ученик Елеазара от игуменства отрекся бы по условиям «кабалы», данной Львову-старшему. Но почему бы не ускорить процесс, откомандировав в Кремль ставленника Булатникова, пусть не очень начитанного, зато энергичного, умного, самоотверженного аскета и подвижника? Ведь Ванифатьеву в помощь как раз такой и нужен!

Очевидно, Никон предложение соперника принял с охотой. За досрочный отъезд Львовы прощали ему сторублевый долг. А, главное, в Москве при царском дворе перед бывшим иереем, к слову весьма и весьма амбициозным, открывались огромные перспективы. Он отправился в столицу, скорее всего, в паре с иноком Львовым, который при содействии старшего брата представил «товарища» главе правительства. Морозов кандидатуру одобрил и без проволочек подыскал новичку престижную «работу» – архимандритство в Новоспасском монастыре. Точная дата назначения, к сожалению, неизвестна. Правда, основной задачей Никона было все-таки не управление усыпальницей Романовых, а участие в особых, уникальных уроках Стефана Ванифатьева. Именно оно, судя по всему, привело к тому, что кружок «боголюбцев», собиравшийся в царском дворце, насчитывал максимум пять человек: Алексея Михайловича, Стефана Ванифатьева, Федора Ртищева, Никона и, возможно, Анну Вельяминову, старшую сестру Ртищева. Рост прекратился, разумеется, по воле Морозова. А причина тому, похоже, обнаруженный им страшный антагонизм между двумя концепциями «боголюбчества», которого придерживались московский протопоп и кожеозерский игумен.

Оба радели за нравственное перевоспитание народа при посредничестве церкви. Однако если Ванифатьев видел идеал в сплоченности существовавших за границей малороссийских и греческих братств, сформировавшихся вокруг монастырей, то Никон – в русском духовном единстве периода борьбы с Золотой Ордой и крушения альма-матер православия – Византийской империи – в середине XV века. Позицию царского духовника игумен

с Онеги сразу же встретил в штыки, прокомментировав примерно так: «Гречане де и малые Росии потеряли веру, и крепости и добрых нравов нет у них. Покой де и честь тех прельстила, и своим де нравом работают. А постоянства в них не объявилося, и благочестия ни мала».

Наверняка Морозов подметил, что главное различие двух подходов заключалось не в содержании, а в форме, точнее в обрядах. Московская Русь исторически сохранила обрядовые нормы Византии эпохи расцвета, то есть тысячелетней давности. Греки же и украинцы, угодившие под власть иностранцев и иноверцев – османов и поляков, вынужденно пошли на компромисс, изменивший внешний вид богослужений. При всем при том внутренний мир большинства православных из турецких епархий и Киевской митрополии эталону благочестивого образа жизни хорошо соответствовал. Как соответствовала ему и степень благочестивости русского человека времен Дмитрия Донского, Иоанна III Великого или народных ополчений (1611–1612). Правда, завидную силу духа народного в каждом из этих случаев порождал и взращивал не чей-то сознательный порыв, а унижения и притеснения со стороны чужеземного владычества. Политический и религиозный гнет турок и поляков, татар и опять же поляков заставляли людей на Балканах, по берегам Днепра, Волги и Москвы-реки выживать за счет постоянной взаимовыручки и стойко переносить любые лишения и беды. Но, стоило гнету исчезнуть, коллективное начало быстро вытеснялось индивидуальным, размывая и ослабляя былое единение. С последним и столкнулась Россия еще при царе Михаиле Федоровиче.

Многие, очень многие ностальгировали по ушедшей эпохе, в том числе и Ванифатьев с Никоном, видевшие, один – юношей, другой – мальчишкой, энтузиазм двенадцатого года, и друзья Дионисия Зобниновского. Всем хотелось вернуться в те славные дни, и все черпали вдохновение в примерах русского происхождения, то есть в русской истории, недавней и далекой. Об образцах зарубежных помышлять не смели, помня горькие уроки Смуты. Все кроме Ванифатьева. Проницательный протопоп Благовещенского собора, по-видимому, первым понял, что, оглядываясь назад, реанимировать народную самоотверженность во имя высокой цели не получится. Требуется серьезная мотивация из настоящего. А в настоящем имелись единственно страдания православных общин от ига турецких султанов и польской шляхты. Апелляция к их опыту или помощь им могли в какой-то мере вновь отмобилизовать россиян. Кружок Зобниновского, политикой не увлекавшийся, подобное отвергал из-за разности обрядовых норм «у нас» и «у них». Заимствования греками и малороссами католических черт членами его воспринимались как капитуляция перед римским папой, а ориентация на юго-западный пример – как наведение моста для проникновения в Святую Русь вредной, еретической западной культуры.

Морозову-прагматику взгляды Ванифатьева, наоборот, импонировали. Ведь союз с Украиной практически гарантировал победу в грядущей войне с Польшей за Смоленск. Тем более что перспективы такого альянса осенью 1645 года уже просматривались на внешнеполитическом горизонте. Зато на горизонте внутреннем наблюдался заметный рост авторитета соратников и учеников архимандрита Дионисия – Симона Леонтьевича Азарьина, Ивана Васильевича Шевелева (Наседки) и Михаила Стефановича Рогова. Под патронажем дворецкого А. М. Львова ключарь Наседка, в 1621–1622 годах сопровождавший боярина в Данию, и протопоп Рогов координировали в звании справщиков деятельность Московского печатного двора. Любимца Зобниновского, Азарьина, в 1645 году избрали келарем Троице-Сергиевой лавры, то есть он занял место уехавшего на Соловки Булатникова. Сразу после того «зобниновцы» развернули бурную просветительскую деятельность. В ноябре 1646-го дуэт справщиков опубликовал важную для православных книгу Азарьина «Службы и жития и о чюдесах списания преподобных отец наших Сергия Радонежьского чюдотворца», в феврале 1647 года – первый тираж нравоучений Ефрема Сирина, спустя полгода, в августе – второй. Между тем троице-сергиевский келарь по просьбе Боголепа Львова взялся за сочи-

нение жития учителя – Дионисия Зобниновского. Сам же брат «посольского» министра в ту пору трудился над житием другого святого праведника и аскета – Никодима Кожеозерского (Хозьюгского).

В марте 1647 года впервые вышла из печати «Лествица» Иоанна Синайского – автобиографическая история о тридцати ступенях самоочищения души. Книгу к изданию подготовил соловецкий монах Сергий Шелонин, незадолго до того приехавший в столицу с рукописью «Алфавитного патерика» – сборника житий святых. Правда, патриарх Всероссийский Иосиф считал первоочередным распространение в народе личного опыта «Лест вичника», игумена Синайского монастыря, жившего в шестом веке нашей эры. И за успешную работу щедро отблагодарил Шелонина возведением в мае того же года в архимандриты костромского Ипатьевского монастыря. Судя по всему, питомцы свято-троицкой школы разворачивали в стране мощную кампанию внушения народным массам высоконравственного образа жизни. А главным оружием избрали книгу биографического, житийного жанра.

Легко догадаться, чем грозило приглашение кого-либо из перечисленных лиц или их единомышленников в партнеры Ванифатьева. Изучение царем малороссийской модели православия пришлось бы прекратить во избежание идейных склок в присутствии высочайшей особы. К тому же еще неизвестно, чью точку зрения на первом году знакомства с проблемой поддержал бы Алексей Михайлович – отца Стефана или троице-сергиевского братства. На этом фоне Никон, по духу тоже «радонежец», обладал одним преимуществом – беспартийностью. За неимением какой-либо протекции как во дворце, так и за кремлевскими стенами игумену Кожеозерского монастыря для вхождения в ближний круг царя не стоило настаивать на принципах, царскому кругу неугодных. И Никон нисколько не настаивал. Сообразив, что критика юго-западных славян не приветствуется, больше данную проблему не будоражил, а личную принципиальность проявлял в других областях.

Иван Шушерин в «житии» обмолвился о примечательном факте – приезде Никона «по вся пятки… к… великому государю вверх к заутрени», когда «многих обидимых вдов и сирот прошением своим от насильствующих им избавляше». Вот какую роль при царе придумал себе наш герой! Народного адвоката!! Уполномоченного по правам человека, говоря по-современному. В этом статусе он и закрепился в царском кружке. А Морозов оценил и покладистость, и изобретательность выдвиженца Львовых, почему и поощрил назначением в архимандриты Новоспасского монастыря. Благо и в религиозном кружке ему нашлось дело – мягко оппонировать Ванифатьеву. Не спорить, а задавать интересные, подчас неудобные вопросы, чтобы беседы духовника с молодежью (государем и Федором Ртищевым, возможно, с Анной Вельяминовой) не превращались в монолог одного актера. Кстати, благодаря Шушерину мы знаем о периодичности богословских занятий в царском тереме с его участием – раз в неделю по пятницам. А еще и причину любви и привязанности Алексея Михайловича к Никону.

До 1648 года Морозов запрещал допускать к рассуждениям с монархом о благочестии иных книжников и старцев (вероятно, за исключением Боголепа Львова, если он приезжал в Москву). Оттого лучшие церковные умы России, как то Наседка, Азарьин или Шелонин, не имели с кружком никаких отношений. Даже родного дядю Ртищева – Симеона Потемкина, известного книжника и знатока трех языков (латинского, греческого, польского), проживавшего в Смоленске, – не перевели в русскую столицу к родному племяннику. Фактически Алексей Михайлович изо дня в день общался с одним ученым человеком – Ванифатьевым. При всем уважении к наставнику царь не мог не чувствовать себя в определенной изоляции, которую регулярно нарушали только пятничные визиты игумена, затем архимандрита Никона. Гость оживлял беседу, привносил в нее свежие нотки, новые темы. За два года юноша и полюбил, и научился дорожить этими посещениями, надолго запомнив того, кто

умел помогать всем страждущим – и нищим вдовам, и бедным сиротам, и одинокому «великому государю».

И все-таки Ванифатьев обладал уникальным талантом проповедника. Ведь протопоп сумел распропагандировать в пользу греческой и малороссийской формы православия помимо царя, Ртищева, Вельяминовой и самого Никона, за сорок лет жизни повидавшего многое и многих, отыскавшего собственный идеал церкви не сразу, и не в школах и коллежах, а в монастырях и скитах. Тем не менее к 1648 году Никон стал убежденным сторонником постепенной украинизации и эллинизации русской церкви, что имело далеко идущие последствия.

Глава 4. Накануне соляного бунта

Восстание, вошедшее в анналы истории под звучным наименованием Соляной бунт, в действительности вспыхнуло не из-за соли. Как упоминалось выше, одиозный налог Морозов упразднил за полгода до мятежа, и то, что событие окрестили в честь него, не более чем курьез. Настоящая причина народного возмущения коренилась в ином, и нетрудно догадаться, в чем именно. Да, в том самом разбойном способе выколачивания из населения «выкупных» денег. В Москве «эффективный метод» достиг наибольшего размаха. В казну поступала львиная доля данного «налога». В ней же и степень ненависти к начинанию поднялась на самую опасную высоту. Разумеется, общественная неприязнь обратилась на главу ведомства, выбиванием монет занимавшегося, – на Л. С. Плещеева. Покончить с «плещеевщиной» желала едва ли не вся Москва, и потому на первый взгляд удивительно, что умница Морозов опоздал с закрытием прибыльного «проекта».

Что ж, и вправду опоздал, переоценил выносливость москвичей или просмотрел нужный момент, увлеченный другими делами… внешнеполитическими. Обстановка там, куда намеревались вторгаться, в Польше, весной 1648 года накалялась день ото дня. Взаимные противоречия между католиками западных областей и православными восточных, королем и сеймом, ляхами и казаками нарастали стремительно. Король Владислав IV собирался реорганизовать систему власти, усилив собственную за счет полномочий сейма. Для того и наладил тайный союз с запорожскими казаками, недовольными произволом польской шляхты в отношении православного населения республики. После жестокого подавления казацких восстаний 1635–1638 годов, фактического введения на мятежных землях оккупационного режима мирное сосуществование католической Польши и православной Украины под варшавским скипетром становилось невозможным, а разрыв между ними – вопросом времени. Спасти Речь Посполитую от раскола реально мог лишь политический союз польского короля с малороссийской старшиной. Цена единства отныне включала две позиции – политическую автономию Украины и расширение прерогатив монарха. План действий Владислава IV выглядел незамысловато: по команде короля старшина поднимает народное восстание, сметающее все на своем пути, после чего государь предлагает сейму выбрать из двух зол наименьшее, а именно предотвратить гражданскую войну предоставлением казакам ограниченного суверенитета в составе польского королевства. Гарантом реформы будет лично Владислав IV, для чего палата депутатов соответствующим образом изменит статус монарха.

Попытка договориться о конкретных сроках выступления казачества с неформальным лидером старшины – Иваном Барабашем – успехом не увенчалась. Он уклонился от этой чести. Зато бросить вызов польской элите не побоялся кум Барабаша, сотник Чигиринского полка Богдан-Зиновий Михайлович Хмельницкий. К сожалению, связаться с Владиславом IV у него не получилось. Однако отважный офицер умудрился выкрасть у родственника королевский патент, позволявший казакам совершить набег на Крым. С этой бумагой Хмельницкий, тут же объявленный вне закона, пустился в бега, сумел добраться до Запорожской Сечи, где убедил сечевиков в том, что хорошо знаком с польским монархом, который готов помочь украинцам восстановить утраченные в 1638 году позиции, если те помогут государю обрести полновластие. Запорожцы охотно откликнулись на призыв простого сотника восстать против поляков вместе с королем и, естественно, провозгласили его своим предводителем. Ведь Хмельницкий среди всех был единственным, кого Владислав IV благодаря Барабашу знал в лицо и с кем без особой опаски согласился бы иметь и контакт, и дело. Запорожцы восстали в январе 1648 года, «за 3 недели до Масленицы». Поляки немедленно окружили Запорожскую Сечь, однако на штурм не осмелились. Смутил «королевский лист», слух о котором быстро разнесся по всей Украине. Пока глава карателей гетман Потоц-

кий колебался более месяца, Хмельницкий пополнил новобранцами маленькую казацкую армию и провел успешные переговоры с крымским ханом, который обеспечил повстанцев конницей – татарами Тугай-бея.

Владислав IV. Неизвестный художник

В конце апреля – первые дни мая у Желтых Вод оба войска сошлись во встречном сражении. В итоге гетман Потоцкий потерпел страшное поражение. Остатки коронной армии казаки с татарами разгромили через десять дней при Корсуни, расчистив себе путь на Киев. Владислав IV, прослышав в середине апреля о восстании Хмельницкого, срочно выехал из Вильно в Варшаву, чтобы исполнить свою часть давно разработанного плана. По дороге

вдруг заболел, слег и 10 мая умер в замке Меречь. Смерть короля в одночасье поставила Хмельницкого в сложное положение. Без монарха добиться от упрямой шляхты автономии казачество практически не имело шансов. Поневоле следовало искать нового сильного союзника, каковыми могли быть либо татары с османами, либо русские. Ясно, что в тандеме с казаками России освободить Смоленск труда не составляло. Посему вопрос о том, не стояла ли Москва и за мятежем Хмельницкого зимой, и за кончиной короля весной 1648 года, вовсе не праздный.

Разумеется, прямых доказательств нет, а косвенных слишком мало. Тем не менее понятно, что и та, и другая цель легко достигалась средствами тайной дипломатии. Агентам Морозова ничто не мешало в Запорожской Сечи подтолкнуть казачество поддержать «проект» Хмельницкого, а затем, в Варшаве, сообщить по секрету о противоестественном, но реальном альянсе короля с казаками. А дальше поляки уже сами позаботились о том, чтобы тот не состоялся. Определенно, Морозов был крайне заинтересован в лишении Хмельницкого королевской подмоги, вынуждая повстанцев обратиться за содействием к близкой им по вере Москве. Он ожидал курьера с вестью о желании казаков сражаться с поляками плечом к плечу с Россией и в преддверии приезда гонца завершал последние приготовления к грядущей войне. А еще старался подстраховать себя на случай, если курьер не приедет вовремя. Что имеется в виду? Народное восстание, конечно. Поэтому боярин 16 января женил царя на Марии Ильиничне Милославской, а 26 января обвенчался и сам на младшей сестре царской невесты – Анне Ильиничне. В чем смысл? Расправиться со свояком монарха восставшей черни труднее, чем с простым первым министром!

Мало того, в те же дни Морозов положил конец закрытости царского духовного кружка. Религиозное сообщество Борис Иванович решил превратить в политическое, для чего требовалось увеличить число участников. Об опоре на уже сложившиеся и влиятельные духовные корпорации – соловецкую или троице-сергиевскую – речь не велась. Морозов хотел объединить группу Ванифатьева с чем-то аморфным, рыхлым, не способным поглотить или подмять ее под себя. Скорее всего, после консультаций с Ванифатьевым и Никоном он предпочел пригласить в столицу попа Ивана Неронова, такого же пламенного борца за перевоспитание русского народа, как и книжники из Троице-Сергиевой лавры. Правда, с тем отличием, что собирался не пропагандировать благочестивые нормы среди соотечественников, а силой принуждать их следовать им. Свой узкий кружок сторонников Неронов создал в Нижнем Новгороде в 1634–1636 годах. Там и опробовал метод насильственного очищения человеческой нравственности от вредных привычек. Таковыми считались многогласие (разбивка текста молитвы или песнопения на отрывки для одновременного произнесения двумя и более лицами), чтение часов на утренней службе, а не в обед, практика прокуратства (притворство нищим или юродивым), бобыльство пономарей, брань, рукоприкладство и хождение в церкви, пьянство, употребление в пищу «удавленины» (удушенных птиц и зверей), языческие забавы с медведями и скоморохами, кулачные бои, колядование, азартные игры. Увы, большинство нижегородцев агитацию Неронова проигнорировало, почему молодые ревнители благочестия пытались кулаком доказывать собственную правоту. Оппоненты в долгу не оставались и тоже били нероновцев. В общем, за десять лет подвижничества Неронов, хоть и завербовал в свои ряды многих поклонников благочестия, широкой популярности все же не снискал, чем и привлек к себе Морозова.

Похоже, чтобы угодить ему, царскую свадьбу первый министр велел отпраздновать необычно: «Не быти в оно брачное время смеху никаковому, ниже кощунам, ни бесовским играниям, ни песнем студним, ни сопелному, ни трубному козлогласованию. И совершися той законный брак… в тишине и в страсе Божии, и в пениих и песнех духовных». Биограф Неронова приписал отказ от привычной формы веселья в пользу аскетизма молениям и запретам Стефана Ванифатьева. Однако подобная ломка традиций без санкции первого

лица государства, коим в ту пору являлся не юный Алексей Михайлович, а Борис Иванович Морозов, произойти никак не могла. Духовник, несомненно, ратовал за трезвое торжество и в прямом, и в переносном смысле, однако политическая целесообразность всегда выше идеологической. Вкусам Неронова потрафили нарочно, дабы нижегородский гость без лишних вопросов поверил в искреннюю приверженность друзей царя его версии «боголюбчества».

Параллельно полки, стрелецкие, драгунские, рейтарские, отправлялись в основном на татарские границы, а не польские. О том, что с татарского рубежа легко повернуть на запад, к восставшим украинским казакам, и, совершив фланговый маневр через освобожденные от поляков территории Украины, ударить в тыл прикрывающему Смоленск врагу, мало кто задумывался. К тому же и официальная пропаганда подтверждала, что война будет с Крымом в союзе с Польшей. Никак иначе…

Так зачем боярин Морозов затеял весь сыр-бор с вызовом Неронова и двумя бракосочетаниями? Потому, что чувствовал, как «плещеевщина» день за днем поднимает градус народной ненависти к правительственной команде и особенно к первому министру. Прекратить выколачивание из подданных денег произволом считал нецелесообразным и несвоевременным, а обнародовать истинные планы до появления в Москве гонца Хмельницкого было рано. Вот и занялся Морозов возведением двух «запасных аэродромов». Породнение с царем повышало шансы Бориса Ивановича выжить в дни народного бунта. А троице Ванифатьев – Неронов – Никон, известным ревнителям нравственной чистоты и справедливости, в критический час надлежало сыграть роль посредника между негодующими москвичами и царской челядью.

Кстати, 8 мая с благословения Морозова вышла «Книга о вере единой, истинной, православной». Катехизис русского православия, в духе, близком мировоззрению нероновцев, но на основе поучений игумена Киево-Михайловского монастыря Нафанаила. В нем проклинались католики и униаты, а греки, на Флорентийском соборе, вернее «съезде», в 1439 году капитулировавшие перед Римом, оправдывались как обманутые и принужденные к этому папистами. Говоря современным языком, «Книга о вере» есть не что иное, как платформа новой организации, созданной путем слияния двух религиозных кружков – царского и нижегородского. Ее базовый принцип таков: греческое православие – идеал; а вот какое греческое – ранневизантийское, заимствованное Древней Русью у Константинополя, или поздневизантийское, закрепившееся к XVI веку на Балканах, в Палестине, а с 1640-х годов и в Малороссии, – умалчивалось, чтобы каждый из участников группы мог интерпретировать главный тезис по-своему. Слабый политический вес Неронова в сравнении с легендарными Соловками или Троицей породил данный компромисс, практически нереальный с вышеназванными монастырскими братствами. Учитывая, что Алексей Михайлович предписал издать «Книгу о вере» 1 марта 1648 года, судьбоносные консультации двух православных лидеров – Ванифатьева и Неронова – длились не более полутора месяца (конец января – февраль).

К концу мая формирование резервной «партии власти» завершилось. На типографском складе ждала своего часа тысяча двести экземпляров истинного вероучения. Пять ярких членов ее, авторитетных у разных слоев населения, настроились в любой момент наладить диалог, с кем потребуется. Конечно, ими состав партии и ограничивался, зато они располагали сотнями сочувствующих. Никону, Ванифатьеву, молодому Ртищеву доверяли многие из москвичей. За Нероновым стояли «радикалы» доброй половины Поволжья, от Романова-Борисоглебска (ныне Тутаев) до Нижнего Новгорода и от Вологды до Мурома и Темникова. Наконец, не будем забывать о юном царе, помазаннике Божьем, высшем судье для всех подданных.

Впрочем, Морозов до последнего надеялся на то, что все обойдется и он избавится от неистового Неронова на другой день по прочтении «листа» Хмельницкого. Ведь пацифист

Неронов наверняка осудит войну, даже наперекор мнению большинства общества, мечтавшего о реванше. Тем самым поп сам разорвет партнерские отношения и отправится либо домой, на Волгу, либо куда подальше… А пока в первой половине мая москвичи, озлобленные на московское начальство всех уровней, с ненавистью наблюдали за тем, как оно пировало на череде сановных свадеб. Стольники Михаил Иванович Морозов, Федор Львович Плещеев, Иван Андреевич Голицын, Иван Богданович Милославский в преддверии похода венчались со своими избранницами и закатывали торжества, гремевшие на всю округу. Одно перечисление фамилий, принадлежавших клану первого министра, не могло не раздражать обычного жителя столицы, уставшего за девять месяцев бояться «вышибал» из Земского приказа. А вид или молва о щедрых застольях на боярских дворах одиозных особ неминуемо еще больше накаляли общественную атмосферу, намекая на то, куда тратятся «плещеевские» денежки…

По-видимому, эти свадьбы и переполнили чашу народного терпения. Счет пошел на дни. 17 мая Алексей Михайлович отлучился из Москвы в Троице-Сергиеву лавру, 1 июня возвратился обратно. За две недели политического затишья москвичи основательно подготовились к важной встрече с царем…

Глава 5. В вихре восстания

Днем 1 июня 1648 года царский кортеж въехал в Москву. Отведав у ворот Земляного города традиционные хлеб и соль, Алексей Михайлович направился в Кремль. По пути он с удивлением отметил, как в разных местах через стрелецкие кордоны пытались прорваться и подбежать к нему некие люди. Приблизиться к экипажу, однако, не посчастливилось никому из пятнадцати или шестнадцати смельчаков. Всех перехватила стража. Так что об их намерениях государь так и не узнал, даже от жены, которую толпа чуть не зажала возле Кремля. Стрельцы выстояли и затем оттеснили разношерстную публику назад, к обочинам, получив в ответ град камней, ранивших кое-кого из придворных царицы. Во дворце Морозов от разъяснений уклонился, ограничившись обещанием повесить пойманных наглецов. Боярин еще не понял, что произошло в Москве за время отсутствия царской семьи.

А в Москве свершилась революция. И надзиравшая за столицей боярская комиссия – князья П.И. и М. П. Пронские, окольничий И. А. Милославский, думные дьяки Чистой, Волошенинов и Елизаров – ее прозевала. Пока вельможный комитет заседал в кремлевских теремах, за стенами царской резиденции в приходах стихийно формировались народные комитеты, налаживалась связь между ними и обсуждалась программа действий. В итоге постановили попробовать вручить челобитную от всего мира лично царю или хотя бы царице. Для чего отобрали полтора десятка добровольцев, снабдили каждого копией прошения, распределили по точкам на царском маршруте, удобным для рывка через цепочку охраны. К концу месяца эти комитеты полностью контролировали Москву, в том числе и стрелецкие приказы, не сопровождавшие монарха в Троицу. О прелестях «плещеевщины» ведали все, покончить с ней мечтали тоже все. Ничего удивительного в том, что все слои москвичей сплотились для достижения заветной цели, нет. Удивительно другое: как это талантливый политик Борис Иванович Морозов не сообразил, не почувствовал, что эксперимент с выбиванием «выкупов» пора прекращать и удовлетвориться накопленной к тому моменту суммой?

Московские же революционеры оплошали в одном: не послали делегатов в лавру к стрельцам царского конвоя. Но эту ошибку они исправили в ночь с 1 на 2 июня. Увы, к утру пятницы Морозов уже не имел никого, кто бы его защитил. Стрельцы, вышедшие с царем из Кремля «за крестом» в Сретенский монастырь на поклон к чудотворной иконе Владимирской, подчинялись не первому министру, а лидерам восстания. В чем высокородный боярин и убедился вскоре. Хотя ряд источников и утверждает, что народ приступал к Алексею Михайловичу по дороге к обители, скорее всего, до завершения церемонии никто не отвлекал царя от божьего дела делами суетными. Лишь возвращаясь в Кремль, царь в какое-то мгновение обнаружил перед собой народное море, которое стрельцы и не думали разгонять. Только теперь юный монарх услышал, о чем бьют челом верноподданные: во-первых, «на земсково судью на Левонтья Степанова сына Плещеева, что от нево в миру стала великая налога и во всяких разбойных и татиных делах по ево Левонтьеву наученью от воровских людей напрасные оговоры»; во-вторых, о помиловании арестованных накануне.

Вот когда Морозов пожалел о промедлении, да было поздно. Он угодил в ловушку. Отдашь москвичам Плещеева – худо: тот со страху расскажет обо всем. Не отдашь – тоже рискуешь головой: обидчика отнимут силой, и, как ни крути, язык у него развяжется. Колебания разрешил шурин Плещеева – глава Пушкарского приказа Петр Тихонович Траханиотов, умолявший пощадить сестриного мужа, что и посоветовал государю Морозов. Алексей Михайлович велел толпе расступиться, и, полагая, что ультиматум принят, народ пропустил царя, проводив процессию до Кремля. Расчет на крепкие ворота и стены главной цитадели страны не оправдался. Караул проигнорировал приказ Морозова предотвратить проникно-

вение черни в Кремль, и поток, устремившись за государем, без помех добрался до площади перед царским дворцом, заполонил все вокруг и притих в ожидании исполнения своей воли.

Немного погодя, внушительная манифестация догадалась, что пребывает в заблуждении, и тогда Кремль оглушило мощное скандирование, требовавшее выдачи Плещеева. Потом зазвучали и имена Траханиотова с Морозовым. Простой люд запомнил, кто что-то нашептывал царскому величеству, общавшемуся с народом. Царю, сидевшему с боярами за столом, донесли о желании толпы, бездействии стрельцов и реальной угрозе разгрома царских палат. Морозов предпочел разрядить обстановку: освободив вчерашних узников, выслал на крыльцо настоящее посольство, как и положено, из трех человек (боярина, окольничего и думного дьяка) – М. М. Темникова-Ростовского, Б. И. Пушкина и М. Д. Волошенинова. Диалог, к сожалению, не состоялся. То ли боярин, то ли окольничий высокомерно упрекнул непрошеных гостей за «шумство» и «болшое невежество», неосторожно крикнув стрельцам «тех челобитчиков имать». Всем троим досталось и от стрельцов, и от челобитчиков: избитые, в разодранном платье «послы» едва спаслись в покоях царского дворца.

В принципе восставшие москвичи могли легко занять государев дом и расправиться с неугодными лицами. Однако они не отважились на прямое оскорбление царского жилища и потому продолжили давить на власть. Кто-то призвал крушить морозовские палаты, и все дружно поддержали эту идею. Первым разорили конечно же кремлевский двор ненавистного «дядьки», после чего разграбили владения Траханиотова, Чистого, Плещеева и нескольких купцов, прислуживавших Морозову. Не повезло главе Посольского приказа Назару Ивановичу Чистому. Думный дьяк явно попал под горячую руку. Ведь охотились не за ним. Но за недосягаемостью подлинных виновников, спрятанных царем, растерзали первого помощника Бориса Ивановича, старого соратника князя И. Б. Черкасского, специалиста по финансовым и международным вопросам.

Соляной бунт. Художник Э. Э. Лисснер

По-видимому, гибель Чистого, а не погромы домов вынудила Морозова смириться с неминуемым. Позволить разъяренным бунтовщикам подобным же образом очистить от опытных управленцев всю российскую приказную систему он никак не мог, и около восьми-девяти часов утра 3 июня («на утрее в 4 часу дни») Плещеева вывели из Кремля на Лобное место. Толпа тут же накинулась на него. Самосуд длился считаные минуты, которых несчастному хватило для разоблачения Морозова и Траханиотова – вдохновителей и организаторов пресловутой кампании по отъему у москвичей денег. Разумеется, народ опять замитинговал под башнями Кремля, настаивая на казни двух министров-подстрекателей.

Переговоры возобновились. С «Верху» на Красную площадь пожаловало воистину великое посольство – бояре Никита Иванович Романов, Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, Михаил Петрович Пронский в окружении многих окольничих и дворян. Депутацию светскую подстраховывало духовенство во главе с патриархом Иосифом и Ванифатьевым. Впрочем, час «ревнителей благочестия» еще не пробил, и протопоп Благовещенский играл в тот день роль вспомогательную, а не ведущую. Доминировал, и по праву, дядя царя, давний оппонент Морозова, весьма популярный среди народа. «Ход» Романовым спас Бориса Ивановича, ибо расколол мятежный лагерь. Умеренная половина повстанцев согласилась на посредничество Никиты Ивановича, радикальная в дипломатическую канитель не верила и прибегла к опробованной накануне мере – погрому боярских дворов. Пока одни в Китае и Белом городе опустошали терема Н. И. Одоевского, М. М. Салтыкова, А. М. Львова, Г. Г. Пушкина, М. М. Темкина-Ростовского, Г. И. Морозова, их товарищи у Лобного места нащупали взаимоприемлемый компромисс: Морозову и Траханиотову сохранялась жизнь на условии, что «впредь де им… до смерти на Москве не бывать и не владеть и на городех у государевых дел ни в каких приказех не бывать», а реальные властные полномочия берет оппозиция – Н. И. Романов и Я. К. Черкасский.

Широко известный эпизод с Алексеем Михайловичем, расплакавшимся и чуть ли не на коленях умолявшим чернь не губить любимого воспитателя, не более чем легенда, в истоках имеющая государя, прослезившегося при целовании «Спасова образа». Для скрепления клятвой на иконе заключенной мировой он и покинул дворец, выйдя к толпе на «Пожар». Доводы о божьей каре тому, кто поднимет руку на близкого родственника, свояка помазанника Господа, приводил либо Романов, либо иной член царской делегации. Никита Романов вполне мог стать вторым князем Черкасским, то есть фактическим правителем при молодом, инфантильном племяннике, если бы те мужики, что разбойничали на боярских подворьях, не искали легких путей к победе.

Кого-то из них осенила «гениальная» мысль, что хоромы богачей лучше сжигать, чем разбирать по досточкам, – и быстрее, и бескорыстнее. Вот и «загореся на Трубе двор» в девятом часу дня (часу в первом пополудни), за ним другой… Дурной пример заразителен… О розе ветров, кривизне улочек и переулков, концентрации горючих материалов за частными заборами, похоже, и не вспомнили. Пламя стремительно распространилось по Белому городу, уничтожая все подряд – и боярские усадьбы, и дворянские, и дьяческие. К ночи аристократический квартал выгорел дотла – «от Неглины до Чертольских ворот», то есть Пречистенских, а за ним и дворянская округа «позади Белова города – от Тверских ворот по Москву реку да до Землянова города», «за Никитскими вороты от Федоровскаго монастыря все слободы и церковь Николы Чюдотворца Явленского, и стрелецкия слободы за Арбатскими и за Чертольскими вороты». Не пострадали разве что «у Трубы около Петровского Павлов монастырь, дворов с триста». Помимо того в пепелище превратились торговые ряды – Мучной, Солодяной, Житный, и государев кружечный двор в Китай-городе.

Понятно, что ретивых поджигателей начали ловить. Они с перепугу винили во всем Морозова с Траханиотовым, которые в это самое время пытались выехать из города в места

ссылки: Борис Иванович – в Кирилло-Белозерский монастырь, Петр Тихонович – в Устюжну Железнопольскую. Боярин под Дорогомиловой слободой столкнулся с ямщиками, узнавшими его, и кинулся обратно в Кремль, где и скрылся в царских покоях. Окольничий благополучно выбрался из Москвы и поспешил в сторону Троице-Сергиевой лавры. Между тем утром 4 июня москвичи, возмущенные вероломством двух министров, вновь вышли на Красную площадь добиваться справедливости – казни обоих. Вторую встречу на высшем уровне увенчала неприглядная сделка: дабы умиротворить радикальное революционное крыло, ответственным «за пожег» объявили Траханиотова. Морозова, свояка государя, в очередной раз простили. Привезти в Москву Петра Тихоновича откомандировали окольничего С. Р. Пожарского. Князь настиг жертву в предместье Троицкой обители и с одобрения келаря, Симона Азарьина, позволил пленнику исповедаться, переночевать в лавре, а наутро там же причаститься. Днем они вернулись в столицу, и ближе к вечеру 5 июня палач обезглавил Траханиотова.

Почувствовав себя отомщенным, навязав царю в докладчики Н. И. Романова, усадив в приказы Большой казны, Стрелецкий и Иноземский Я. К. Черкасского, большинство москвичей посчитало миссию восстания выполненной. Ликвидация «плещеевщины» с гарантией ее неповторения ослабила краткосрочное межсословное единство. Отныне каждую из социальных групп волновало решение собственных проблем: дворян – «урочные лета» поиска беглых, посад – закладчики (рабочие руки, прятавшиеся в поместьях знати и крупных монастырей), холопство – свобода выбора хозяина, крупных феодалов – дефицит тех самых рабочих рук. И, очевидно, на какой почве назревал между ними раскол на две большие коалиции. Дворянству и городам убыточна утечка трудового элемента в «белые слободы» князей и монастырей, а духовная и светская аристократия, напротив, заинтересована в росте перебежчиков, готовых пахать на них в обмен на меньший налоговый гнет. Вдобавок московские дворяне здорово претерпели от зажженного холопами антибоярского пожара. Почему бы царю не воспользоваться этим и не предложить несчастным «погорельцам» вкупе с посадским движением взаимовыгодный политический союз: тандем получает от монархии законодательное упразднение «урочных лет» и закладничества; монархия в лице Алексея Михайловича – согласие на амнистию Б. И. Морозова?

Не правда ли, перспектива для потенциальных сторонников государя слишком заманчивая. Только кто о ней замолвит слово перед лидерами двух сословий и поручится в том, что прощенный царский родственник во власть не вернется? Новая политическая структура – «Ревнители благочестия», предводитель которых протопоп Стефан Ванифатьев в течение 3–4 июня активно общался с вождями посада и завязал ряд полезных контактов. Когда страсти поутихли, за четыре дня, с 6 по 9 июня, он с двумя или тремя товарищами – Никоном, Ртищевым и, возможно, Нероновым – смелым политическим маневром «украл» у Н. И. Романова с Я. К. Черкасским победу, а с нею и власть.

Во-первых, они проинформировали о намерениях царя посадское самоуправление и авторитетных среди дворян особ, во-вторых, состыковали обе группы друг с другом, ибо дворяне в революции активной роли не играли и, значит, не очень доверяли будущему партнеру из низов. Наконец, устроили общее собрание 10 июня. На нем городовые дворяне, дети боярские, гости и «торговые люди» московских сотен и слобод выработали и подписали челобитную на высочайшее имя с требованием провести Земский собор для упорядочения и корректировки свода законов с последующим изданием общедоступной Уложенной книги: «Подшился бы государь ведать всемирные плач, призвал к себе, государю, московских дворян и городовых дворян же, и детей боярских, и московских гостий, и гостиние сотни, и черных сотен середные и меншие стати, и всяких людей… и… от каких от продаж и от насилства стонут и плачут… оне сами про все про то государю скажут».

Какими мы располагаем основаниями для такой оценки роли партии Ванифатьева? Первое, логическое. Совещание с участием дворян и разночинцев спустя неделю после восстания без помощи извне пройти не могло. А выступить с подобной инициативой надлежало силе, уважаемой каждой из сторон. И кого одинаково внимательно выслушают как дворяне, так и посадские? Никто, кроме «благочестивых» благовещенского протопопа, новосспаского архимандрита, нижегородского попа и царского камердинера, убедительным в те дни не выглядел. Даже Н. И. Одоевский, с 16 июля 1648 года глава Уложенной комиссии, ибо боярину найти общий язык с купцом, ремесленником или лавочником, в отличие от священнослужителя или «стряпчего у крюка», не так легко.

Основание второе, историческое. По данным приходно-расходных отчетов Печатного двора, с первого дня продажи «Книги о вере», с 22 июня 1648 года, спрос на нее имел ажиотажный характер. За два с половиной месяца народ раскупил две трети тиража (850 экземпляров). Уникальный случай, если не видеть в Ванифатьеве, Никоне и Неронове политических фигур. Кстати, то, что «Книга о вере правой… в печать издана повелением царевым и тщательством благаго духовника его Стефана Вонифатьевича, благовещенскаго нашего протопопа, во время благочестивное и тихое», для Москвы летом 1648 года не секрет. И желание москвичей и гостей столицы побольше разузнать о мировоззрении тех, кто из краха сотворил викторию и снабдил государя устойчивой правящей коалицией, вполне закономерно. Тем паче что в ту пору единственный доступный для обывателя источник информации о таинственных «ревнителях» – это вышепомянутая книга. Сразу отметим примечательное совпадение. Судя по отчетной документации печатников, к осени 1648 года популярность группы Ванифатьева выросла существенно. «Книга о вере» уже плохо справлялась с функцией политпросвещения. Требовалось что-то более конкретное, наглядное. И какое событие той осени отвечало велению времени? Дебют Ивана Неронова в качестве проповедника в «церкви пречистыя Богородицы Казанския», что на Красной площади.

Основание третье, политическое. 3 июня 1648 года Б. И. Морозов оставил пост первого министра. В пользу кого? Н. И. Романова?! Я. К. Черкасского?! Формально да. Фактически нет. Как раз числа 9 или 10 июня в Кремле разразился скандал. Князь Яков Куденетович, главный судья центральных приказов, по словам шведского резидента К. Поммеренинга, «не захотел принимать челобитных, а направлял их к Морозову». Причина, естественно, проста: распоряжения нового премьера дьяками и подъячими не исполнялись, ибо они реально подчинялись не ему, а кому-то другому. Черкасский демонстративно показал кому: Морозову. Но он ошибался, хотя сей демарш и ускорил отъезд из Москвы опального боярина. На рассвете, «за час до дни», 12 июня отряд стрельцов повез Бориса Ивановича на Белозеро. А затем по городам и весям разослали иных соратников «царского дядьки» кроме тестя Алексея Михайловича – И. Д. Милославского. Даже Г. Г. Пушкина выдворили за пределы Москвы, из-за чего военные фабрики столицы и Тулы пришли «в запустение», почему в сентябре 1648 года тульское предприятие вернули старым хозяевам – Марселису и Аккеме.

Увы, изгнания и служебные командировки не изменили ситуации. В октябре, как и в июне, по уверениям К. Поммеренинга, чтобы прошению дать ход, надлежало его поднести не князю Черкасскому, а «приверженцам Морозова», то есть И. Д. Милославскому, А. М. Львову, Г. Г. Пушкину (к тому моменту реабилитированному), А. Н. Трубецкому… И ясно, что «приверженцев» возглавлял тот, кому доверяли участники июньского совещания. Методом исключения легко определить кто именно – духовник Алексея Михайловича Стефан Ванифатьев. Разумеется, протопоп в управленческую рутину не вмешивался, рекомендуя царю, как быть, только по вопросам большой политики и по всем церковным. Так, 27 июня 1648 года до восьмидесяти челобитчиков от боярских холопов «просили о своем освобождении» у государя. Более чем вероятно, Алексей Михайлович переадресовал прошение духовному отцу, для которого тут особой дилеммы не возникло. Челобитная противоречила

соглашению, достигнутому 10 июня. Оттого оно и не рассматривалось. 3 июля шесть заводчиков казнили, прочих оставили под стражей.

О конкретном участии Никона в бурных событиях народной революции источники умалчивают. Молчит и Шушерин. Мы можем разве что догадываться о важной роли, которую Новоспасский архимандрит сыграл в формировании правящей коалиции, выработке нового внешнеполитического курса и первых проповеднических акциях набиравшей силу молодой партии «боголюбцев».

Глава 6. Церковная реформа

Революционный натиск июня 1648 года привел к власти «ревнителей благочестия», которые в одночасье обрели возможность реализовать на практике программу нравственного преображения русского народа. Ее положения разделяли и книжники Соловков, и литераторы из Святой Троицы, и нижегородские радикалы. Правда, в методах воплощения идеала в жизнь они расходились. Просветители из монастырей ратовали за постепенность перемен, пассионарии с Поволжья – за их ускорение. Близость последних к власти дала им шанс провести необходимые мероприятия, опираясь на административный ресурс. Чем они и занялись без промедления. Пока Ванифатьев старался о привлечении в Россию украинских и греческих ученых монахов для исправления богослужебных книг по греческим образцам, желательно древневизантийским, Неронов приступил к реализации собственной программы при активной государственной поддержке.

Любопытное совпадение. Осенью 1648 года протопоп Казанской церкви Климент по настоятельной просьбе царя впустил к себе Ивана Неронова, дабы «учение… сладкое» народу внушать о единогласии, аскетичном и трезвом образе жизни, осуждать языческие игры и традиции. Воодушевленный перспективой вещать в соборе у Кремля, «посреди торжища», где «мног народ по вся дни непрестанно… бывает», отец Иоанн с головой окунулся в процесс перевоспитания русских людей. К Рождеству Христову 1648 года нижегородский поп своими проповедями умудрился взбудоражить всю Москву, а по вопросу о единогласии и вовсе расколол ее жителей на меньшинство, «боголюбцев» одобрявшее, и большинство, метко окрестившее их «ханжами».

Кстати, в исторической литературе Неронова применительно к 1648 году часто именуют протопопом московского Казанского собора, или просто «казанским протопопом». Однако еще С. А. Белокуров в монографии «Арсений Суханов» процитировал архивные документы, из которых видно, что протопопства в храме, возведенном Дмитрием Пожарским, поволжский священник удостоился под новый 7158 год, то есть перед 1 сентября 1649 года. И еще 31 января 1649-го в ведомостях на получение царского подарка – шубы – он по-прежнему назывался «нижегородским попом». А приблизительную дату первой проповеди Неронова помогает установить «протокол» февральского священного собора 1649 года, обнаруженный тем же Белокуровым: «… о том в ц[арско] м [граде] Москве уч[и] нила[сь] м[о] лва великая и всяких чинов православни[е] людие от церквей Бож[ии] х учали отлуча[тися] за долгим и безвременным пением».

Неронов и Ванифатьев – большевики XVII века – не привыкли долго убеждать сомневающихся в собственной правоте. К примеру, в 1636 году первый затребовал у патриарха указ для «наведения порядка» в Нижнем Новгороде, когда выяснилось, что горожане по доброй воле подчиняться его предписаниям не желают. В Москве история повторилась. По смыслу сохранившегося отрывка ясно, что созыв собора спровоцировал распоряжение государя о повсеместном введении в столичных храмах единогласия (по примеру Казанского собора), и реакция на вердикт москвичей – массовый бойкот приходских церквей. Распоряжению конечно же предшествовало проникновенное наставление нижегородского попа, что и подтверждает «Житие Неронова»: «И тако Иоанн в велицем граде Москве жити начат к общей всех пользе. Бяше же ему от сердечныя к Богу теплоты обычай, яко егда прочитоваше народу святыя книги, тогда бываху от очию его слезы, яко струя, и едва в хлипании своем проглаголываше слово Божественнаго писания, сказоваше же всякую речь с толкованием, дабы разумно было всем христианом. Також де и пение церковное устави пети и глаголати единогласно и благочинно. И от того времени во всех святых церквах единогласное и благочинное пение уставися, ово учением протопопов Стефана и Иоанна, ово же повелением

царевым. В чесом пособствова и богомудрый архимандрит Всемилостиваго Спаса, иже на Новом, именем Никон, иже потом бысть митрополит Великому Новуграду».

В митрополиты Никона хиротонисовали в марте 1649 года. Б. И. Морозов в преддверии войны с Польшей никогда бы не позволил подобного рода игр с огнем. Вот и получается, что «благочестивая» церковная реформа стартовала ориентировочно в сентябре – октябре 1648-го. Ее совместили с приездом в Москву депутатов Земского собора, чтобы те прослушали «лекции» отца Иоанна и разнесли по стране благую весть. Храм на Красной площади ему подобрали не без умысла. Если не все, то большинство выборных от уездов и городов, естественно, в нем побывало, и неоднократно. А с открытием Уложенного собора никто конечно же не медлил. Уже 16 июля особое совещание высшей светской и духовной знати предписало «выбрати из стольников, и из стряпчих, и из дворян московских, и из жильцов, из чину по два человека, также всех городов из дворян и из детей боярских взяти из больших городов, опричь Новагорода, по два человека, а из новгородцев – с пятины по человеку, а из меньших городов – по человеку, а из гостей – трех человек, а из гостинныя и из суконныя сотен – по два человека, а из черных сотен и из слобод, и из городов с посадов – по человеку». Кроме того, в тот день сформировали кодификационную комиссию во главе с боярином Н. И. Одоевским с заданием в архивах «на всякия государственныя и на земския дела собрать… государские указы и боярские приговоры», которые со «старыми судебниками справити». И по каким «статьям» резолюций царских или боярских «не положено», по тем «написати и изложити… общим советом» свои предложения, «чтобы московскаго государства всяких чинов людем, от большаго и до меньшаго чину, суд и расправа была во всяких делех всем ровна».

Провинциальным делегациям велели приехать в Москву «на Семен день 7157-го году», то есть к 1 сентября 1648-го. А пока в глубинке решали, кому заседать на соборе, в Белокаменной творилось сущее безобразие: в течение июля – августа многих героев июньской революции арестовали и по надуманным обвинениям – мол, «играли в карты или зернь, или продавали табак и водку» или еще что-либо – выслали из Москвы «за сто первый километр». Зачем? Общепринятое мнение: партия Морозова мстила народным вождям за дни страха в июне. Вариант менее популярный: постарались избавить земские региональные депутации от сношений с мятежными приходами. А что если верно иное: не мстительность и недоверие к соотечественникам сподвигли власть к репрессиям, а куда более «уважительные» причины.

Кого выпроваживали из столицы перед Земским собором? Тех, кто позвал и вывел тысячи людей на «баррикады». Все они пользовались в приходах большим авторитетом. Недаром, по свидетельству Поммеренинга, многие жалели об их ссылке и стремились добиться помилования. Но тщетно, ибо опальные вожди умели разговаривать с народом и, разумеется, могли составить нешуточную конкуренцию официальному царскому проповеднику – Ивану Неронову. Не дай бог, из среды вчерашних бунтарей выйдет талантливый и достойный оппонент отцу Иоанну. О чем при таком раскладе будут участники собора рассказывать по возвращении домой? Не об одной правильной, «благочестивой» точке зрения, а как минимум о двух. И еще вопрос, за какой последует большинство русских земель.

Не оттого ли Москву очистили от неблагонадежного элемента?! По крайней мере в сентябре триста выборных дворян, посадских и стрельцов, представлявших все уголки Российского государства, какой-либо весомой альтернативы Казанскому собору не имели, почему чаще посещали его, внимая словам почтенного помощника протопопа Климента. Тем не менее устранение потенциальных соперников не уберегло кампанию от фиаско. И москвичи, и гости столицы, осознав, чего от всех хочет Неронов, разочарованно отворачивались от священника. И хотя «прихождаху мног народ в церковь отвсюду» и «не вмещатися… и в паперти церковной… восхождаху на крыло паперти», а то и «зряще в окна» соборные, только вряд ли с целью «послушаху пения и чтения божественных словес». На службах в Казанском

храме нередко присутствовал сам царь с огромной свитой. Вот поглазеть на государя, скорее всего, и стекалась с разных концов Москвы толпа. Кстати, о рождении царевича Дмитрия Алексею Михайловичу И. Д. Милославский сообщил там же под утро 22 октября 1648 года во время всенощной. Монарх лично подавал пример подданным, как надо выстаивать всенощные «бдения от вечера даже до последняго часа нощи», и не только по праздникам, но «по вся недельные дни», то есть воскресные. Однако подданные и государю не спешили подражать.

Вместо того чтобы попробовать понять поведение народное, Ванифатьев по-большевистски обязал московских священников немедленно внедрить казанский опыт в своих приходах. Когда? По-видимому, в конце ноября 1648 года. Ведь параллельно царь апробировал грамоту, копии которой с декабря 1649-го постепенно развезли по всем областям России (экземпляр для Белгорода датирован 5, для Дмитрова – 20 декабря 1648 года). Документ безапелляционно предписывал, чтобы все «мирские всяких чинов люди» с женами и детьми «в воскресенье и в господские дни и великих Святых к церквам божиим к пению приходили и в церкви божии стояли меж себя смирно, в церкви божии в пение никаких речей не говорили и слушали бы церковнаго пения со страхом и со всяким благочестием внимателно, и отцов своих духовных и учителных людей наказанья и учения слушали, и от безмерного пьяного питья уклонилися и были в трезвости, и скоморохов с домрами и с гусльми, и с волынками и со всякими играми, и ворожей, и мужиков и баб, к болным и ко младенцом, и в дом к себе не призывали, и в первой день луны не смотрили, и в гром на реках и в озерах не купалися, и с серебра по домом не умывалися, и олова и воску не лили, и зернью, и карты, и шахматы, и лодыгами не играли, и медведей не водили, и с сучками не плясали, и никаких бесовских див не творили, и на браках песней бесовских не пели и никаких срамных слов не говорили… и кулачных боев меж себя не делали». За нарушение запрета полагались батоги.

Алексей Михайлович вместе со Стефаном Ванифатьевым исполнил то, о чем Иван Неронов с единомышленниками мечтал в далеком 1636-м. Но, как известно, гладко было на бумаге. Прихожане, сначала московские, затем и прочие, в подавляющем большинстве царскую волю проигнорировали так же, как и нероновское красноречие. Они проголосовали ногами, максимально сократив времяпрепровождение в церкви. Суеверные обряды и языческие обычаи тоже ничуть не пострадали, в отличие от «рейтинга» радикальных «боголюбцев», заметно опустившегося. Впрочем, политическая репутация осенью – зимой 1648 года больше зависела не от церковных реформ, а от социальных. И здесь Ванифатьев никаких рискованных акций не предпринимал, в точности осуществив обещание, данное двум поддержавшим его группам – дворянам и посаду.

С 3 октября обе палаты собора – Высшая (Боярская дума, духовные архиереи) и «Ответная» (выборные из городов и уездов) – знакомились с проектом кодекса, подготовленным комиссией Одоевского. Особых возражений не возникло, ибо ключевые интересы сословий правящей коалиции учитывались. В главе первой статья вторая гласила: «А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем без урочных лет». В главе девятнадцатой статья тринадцатая утверждала: «А которые московские и городовые посадские тяглые люди сами или отцы их в прошлых годех живали на Москве и в городех на посадех и в слободах в тягле, и тягло платили… а ныне они живут в закладчиках за патриархом же, и за митрополиты, и за архиепископы, и за епископом, и за монастыри, и за бояры, и за окольничими, и за думными, и за ближними, и за всяких чинов людьми на Москве и в городех, на их дворех и в вотчинах, и в поместьях, и на церковных землях, и тех всех сыскивати и свозити на старые их посадские места, где кто живал напредь сего, безлетно же и безповоротно. И впредь тем всем людем, которые взяты будут за государя, ни за ково в закладчики не записыватися и ни чьими крестьяны и людьми не называтися».

Попутно упразднялась частная собственность на посадские и крестьянские слободы (так называемые белые) в городах с предместьями и в ближайшем Подмосковье.

Умиротворение дворянства и посада позволило вернуть в Москву воспитателя царя. Если кто-то и опасался возрождения диктатуры Морозова, эти страхи развеялись уже спустя пять суток после появления 26 октября 1648 года боярина в столице. 31 октября первый министр Я. К. Черкасский повздорил с ним, сидя за царским столом, и демонстративно ушел из дворца, создав повод для собственной отставки. О чем поздним вечером того же дня князя и известили. Три важнейших приказа тогда же поручили И. Д. Милославскому. Партия Ванифатьева тем самым достигла двух целей: во-первых, не пустила во власть сторонника войны с Польшей, во-вторых, окончательно убедила поверившее ему московское большинство, что «плещеевщина» не повторится. Отсюда и в целом терпимое отношение москвичей к церковным реформам отца Стефана, упрямо добивавшегося от прихожан подчинения уставу благочестия, провозглашенному Иваном Нероновым с амвона Казанской церкви.

В третий раз укротить непокорную Москву Ванифатьев попытался после того, как 29 января земские депутаты единодушно одобрили окончательную редакцию Соборного Уложения и на том завершили свою работу. Царский духовник, видно, не сомневался, что высшее духовенство не посмеет перечить царскому желанию, и 11 февраля 1649 года собрал «в середней» палате царского дворца патриарха, двух митрополитов, трех архиепископов, одного епископа, шесть архимандритов, девять игуменов, десять протопопов, не считая себя. В повестку дня внес единственный вопрос: «как лутче быти» с проблемой уклонения народа от «долгого и безвременного пения»? Подразумевалось конечно же одобрение Священным собором единогласия, с чем прихожанам придется-таки считаться. Уверенность в успехе укреплял визит в Москву патриарха Иерусалимского Паисия, гостившего в ней с 27 января 1649 года. Уважаемый грек присоединил собственный голос в защиту единогласия.

Увы, затея с треском провалилась. Двадцать семь участников прений, отвергнув притязания благовещенского протопопа, постановили: «Как бы[ло] при прежних святителех митрополитех и патриархех, по всем приход[ским] церквам божественной службе быти попрежн[ему], а вновь ничево не всчинати». И что же Ванифатьев, смирился с финалом, фактически запрограммированным? Никак нет. Наоборот, впал в бешенство. «Муж благоразумен и… добродетелен» не постеснялся обругать и выбранить почтенных старцев, отстоявших, между прочим, позицию большинства москвичей, а в принципе всей страны. Однако большевик – всегда и везде большевик. Кто не с ним, тот против него. Несогласные и вовсе – враги народа, по терминологии отца Стефана, «волки», «губители» исконного православия. Судя по жалобе патриарха и архиереев на высочайшее имя, оскорбительная для них сцена разыгралась в присутствии Алексея Михайловича и выглядела продолжением нравоучительного урока, когда главный протопоп России посетовал юному монарху на то, что «в московском государстве нет церкви Божии»!

Никон предлагает новые богослужебные книги. Художник АД. Кившенко

Обиженное духовенство хотело засудить Ванифатьева по статье Уложенной книги о хулении «соборной и апостольской церкви», за что полагалась смертная казнь. Впрочем, на духовного отца государя, по совместительству фактического первого министра, она не распространялась. К тому же для первого министра вполне естественно именно так отреагировать. Если же еще учесть, что патриарх Иерусалимский Паисий в Москве не только за единогласие выступал, но и за Богдана Хмельницкого слово замолвил, то нервный срыв отца Стефана нетрудно и понять, и простить…

Интересно, что о позиции Никона в те дни, по сути, ничего не известно. Особой активности он, похоже, не проявлял, пассивно поддерживая своих старших и более энергичных товарищей. Однако Новоспасский архимандрит явно задумывался о том, насколько церковная реформа Неронова и Ванифатьева целесообразна и вообще реальна в условиях России. Задумывался и приходил к выводам, сулившим мало утешительного его коллегам-реформаторам.

Глава 7. Переосмысление прежних взглядов

1 декабря 1648 года в Посольском приказе расспросили трех «черных попов» с Афонской горы – Петрония, Палладия и Сильвестра, которые предупредили царских дьяков о скором прибытии в Москву патриарха Иерусалимского Паисия. Впрочем, духовника царя Стефана Ванифатьева встревожило не это, а факт сопровождения греческого архипастыря от молдавских границ до городка Веницы (Винницы) неким полковником гетмана Хмельницкого, который из Винниц умчался куда-то один, оставив патриарха дожидаться своего возвращения. Протопоп сразу заподозрил неладное – попытку запорожцев через одного из вселенских патриархов убедить Алексея Михайловича ввязаться в войну с Польшей. Надежду на то, что едет самозванец, рассеял второй расспрос афонских старцев 19 декабря. Их описание («ростом… средним, в плечах широк») совпало с внешними данными того, кто ранее под сим именем посещал Москву.

Напомню: весной 1648-го Б. И. Морозов со дня на день ожидал с Украины курьера с просьбой о помощи от восставших запорожцев и казаков. После смерти короля Владислава IV у них не оставалось выбора, как обратиться за подмогой к России. И они обратились, но опоздали всего на две с половиной недели. Хмельницкий узнал о кончине монарха 3 июня в Белой Церкви (юго-западнее Киева), 8 июня принял решение искать союза с московским государем, а не с турецким султаном и в тот же день отправил в Москву гонца, который примчался в российскую столицу 19 июня. Ровно через неделю после отъезда Морозова в ссылку в Белозерский монастырь. На волне народного бунта правительство возглавили другие люди, и прежде всего Стефан Ванифатьев – убежденный противник любой войны, а с Польшей особенно. Почему? Потому что война – не лучшее время для осуществления церковной реформы по программе Неронова. То, как она проводилась, мы видели выше. Защитить ее от внешнеполитических бурь Ванифатьев и постарался в первые же дни нового правления, когда, во-первых, проигнорировал призыв Хмельницкого, во-вторых, протолкнул на пост думного дьяка Посольского приказа не единомышленника Морозова – дьяка Ерофея Иванова, прославившегося позднее под именем Алмаза Ивановича (Алмаза Иванова), – а М. Д. Волошенинова, пацифиста, под стать самому Ванифатьеву.

Волошенинов, полонофил и с 1644 года думный дьяк Разрядного приказа, в прошлом служил в приказе Посольском и вполне подходил на роль дипломата, уберегающего страну от военных конфликтов. Официальное назначение состоялось 8 июля 1648 года, и до января 1649-го он без труда справлялся с возложенной на него миссией. Пока в Москву не приехал патриарх Иерусалимский с секретным поручением от Богдана Хмельницкого. 21 января в Белокаменную привезли депешу из Путивля, разъяснившую ситуацию: 5 января Паисий пересек русскую границу вместе с казацким полковником С. А. Мужиловским, тем самым, ехавшим с греческим гостем из Молдавии. Полковника гетман «послал… с ним, патриархом… к… царю… Алексею Михайловичу… о… государеве великом деле заодно». Хмельницкий и владыка из Иерусалима встретились в Киеве. О чем договорились, конечно, депеша не сообщала, но и без того Ванифатьев понимал, зачем Паисий спешит в Москву. Для принятия контрмер протопоп располагал считаными днями. Для начала он отправил в Калугу Ф. М. Мякинина приставом к «дорогому гостю», чтобы аккуратно разведать в беседах, тот «для чего… к государю едет – для милостыни ль или для иных каких дел». Другую, самую важную, задачу Ванифатьев доверил архимандриту Никону…

24 января Паисий добрался до Калуги, где познакомился с Мякининым. 27 января кортеж прибыл в Москву. Спустя два дня на квартиру патриарха в Чудовом монастыре пришел думный дьяк Волошенинов и поинтересовался целью визита. Паисий о ней поведал откровенно и без обиняков: «Как де он, патриарх, был в Киеве и приказывал от себя к гетману

Хмельницкому, что он человек крестьянские веры, а, сложась з бусурманы, многие христианские крови пролил, а ему де было о том мочно сослатца с царским величеством. И гетман де писал к нему, патриарху, что ему о помочи писать было неколи, а покаместа было им о помочи писать, и ляхи б их всех побили и веру искоренили, и он де по ссылке, с татары сложася против поляков, за православную християнскую веру стоял. Да гетман же Хмельницкой писал к нему, патриарху, что он ко государю о помочи писал, чтоб он, государь, ему, гетману, на поляков помочь велел учинить и войною на них с своей стороны послал и свои городы, которые от московского государства к ним, поляком, отошли… изволил… у поляков отыскать (отымать? – *К.П.*), и он бы, гетман, все городы и до Смоленска под государеву руку подвел. И он де, великий государь, помочи им, черкасом, учинити и городов у них взяти не изволил.

И после того был он, патриарх, у гетмана Хмельницкого у самово… А ныне они, гетман и все войско запорожское, велели ему, патриарху, бить челом царскому величеству, чтоб он, великий государь, изволил войско запорожское держать под своею государскою рукою, а они, черкасы, ему, государю, будут, как есть, каменная стена, и чтоб он, государь, им помочь учинил ратными людьми, а они, черкасы, ему, государю, вперед будут надобны… Он де, патриарх, как у них, черкас, был… всю их мысль видел, что они под государевою рукою быти желают».

Разумеется, думный дьяк доложил обо всем «наверх», откуда ответили несколько дней спустя, и весьма оригинально. 4 февраля в Золотой палате Алексей Михайлович официально поприветствовал иерусалимского владыку, обменявшись с ним формальными любезностями и солидным перечнем подарков. Затем патриарха познакомили с архимандритом Новоспасским Никоном, который тут же буквально приклеился к иерусалимскому владыке, донимая с утра до вечера умной речью, московскими достопримечательностями, приятными прогулками… Паисий быстро разгадал истинный мотив радушной опеки: затруднить ему поиск при русском дворе сторонников войны с Польшей. И, похоже, Никон сумел помешать греческому патриарху выйти на того, в союзе с кем Паисий имел шанс нейтрализовать влияние Ванифатьева на царя. Ведь одному духовному авторитету благовещенского протопопа противостоял бы и духовный, и светский авторитеты двух уважаемых государем персон – вселенского патриарха и Б. И. Морозова, любимого воспитателя монарха, фактически приемного отца.

Богдан Хмельницкий. Неизвестный художник

Впрочем, Паисий парировал интригу царского духовника еще оригинальнее. Осознав, что установить контакт с лицами, сочувствующими Хмельницкому, не получится, он попытался распропагандировать обходительного Никона. Уже 8 февраля 1649 года владыка адресовал Алексею Михайловичу льстивое письмо, расхваливающее «преподобного архимандрита Спасского» – прекрасного собеседника, «мужа благоговейного», «великому государю» верного. А просьбу оно содержало скромную – позволить Никону полную свободу общения с ним: «Да будет имети повольно приходити к нам беседовати по досугу, без запрещения великого вашего царствия». Ни Ванифатьев, ни молодой царь подвоха в обращении патриарха не заподозрили и желание святейшего удовлетворили, полагая, что оба обсуждают

проблемы церковные. Естественно, различия в обрядах греческого и русского православия настоящий и будущий патриархи тоже рассматривали. Однако о политике дебатировали больше. И если царский духовник за полтора года привил Никону симпатию к греческой и малороссийской культуре, то иерусалимский иерарх за пару месяцев заронил в том же человеке серьезные сомнения в продуктивности политики самоизоляции от Украины, избранной Ванифатьевым. К концу марта Никон как минимум во многом пересмотрел свое отношение к внешнеполитическому курсу Москвы… если Паисий перед отъездом домой велел одному из членов свиты остаться при русском дворе. В списках посольства он значился «уставщиком Арсением».

О таинственной фигуре Арсения Грека, соратнике патриарха Никона, написано немало, и особенно о странном повороте судьбы, когда Арсения, официально принятого в русскую службу учителем риторики, через два месяца обвинили в отступничестве от православия и чуть ли не в проповеди католичества на Руси, после чего сослали на Соловки «для исправленья православные християнские веры». В исторических трудах неизменно упоминается факт «сдачи» монаха его же патроном, патриархом Иерусалимским Паисием. А вот причина жертвоприношения неясна. Поверить в версию сановного путешественника, что по дороге назад, на русско-польской границе, в Путивле, он впервые от киевских иноков услышал о неприглядном прошлом старца – неоднократной смене вероисповедания (из православия в папизм, из папизма в ислам, из ислама в униатство, из униатства опять в православие) – нельзя, ибо «еретик и дьявол» о своих религиозных мытарствах по свету сообщил Паисию еще в Киеве в 1648 году при знакомстве. И вселенский патриарх тогда раскаявшегося грешника «простил и служить велел», взяв с собой в Москву «дидаскалом».

Что же побудило в действительности владыку подставить соотечественника под удар? Угроза куда более болезненного разоблачения, чем покровительство хорошо законспирировавшемуся «агенту» римского костела или страшных магометан. Возникла она и вправду в Путивле после встречи с тремя иноками «Киевского братцкого монастыря», Епифанием Славенецким, Арсением Сатановским и Феодосием, при следующих обстоятельствах. Выехав из Москвы 10 июня 1649 года, Паисий достиг русско-польской границы у Путивля 25-го числа. Сопровождал его кроме прочих и «строитель» столичного Троице-Сергиева подворья (Богоявленского монастыря) Арсений Суханов, откомандированный на Восток за описанием «святых мест и греческих церковных чинов». Через два дня там же проездом остановились три вышеназванных инока, спешившие в русскую столицу. Славенецкий и Сатановский торопились туда в качестве учителей, кои «божественнаго писания ведущи и еллинскому языку навычны, и с еллинскаго языка на словенскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают». Феодосий – с «молебной грамотой» о милостыни для родного монастыря. С ними ехал москвич, «торговой человек Перфирей Зеркалников». Пока Зеркальников оформлял у воеводы паспорта и кормежные документы, старцы беседовали с людьми из свиты Иерусалимского патриарха, возможно, и с самим патриархом. 29 июня Паисий особой грамотой подкрепил «мольбу» братских монахов о щедром подаянии. О старце Арсении в ней – ни слова. 1 июля он уведомил московского царя о международных новостях из Турции и Польши, отметив в постскриптуме усердие пристава – И. Ю. Тургенева. И снова об Арсении Греке – ничего.

Однако в тот же день произошло что-то, вынудившее Паисия приложить к письму отдельный лист с перечнем вин несчастного «дидаскала», а наутро 2 июля проинформировать обо всем спутника – Арсения Суханова, который не преминул от себя отослать особый рапорт. Этот рапорт и подсказывает, что произошло. Паисий от кого-то из подчиненных узнал важную подробность задушевных бесед с тремя киевскими иноками: кто-то из ученой троицы проявил хорошую осведомленность, но не о прошлом, а о настоящем Арсения Грека – о службе переводчиком в штабе Богдана Хмельницкого. Опасность обнаружения

возле Никона не папского или султанского «шпиона», а «связного» запорожского гетмана и побудила патриарха Иерусалимского немедленно нейтрализовать «учителя», подосланного Хмельницким, чтобы никто не успел бросить тень на репутацию Никона, потенциального союзника Украины в Кремле, 11 марта 1649 года не без помощи Паисия ставшего митрополитом Новгородским и Великолуцким, то есть де-юре заместителем патриарха Всея Руси. Оттого донос святейшего изобилует праведным гневом на «бусурманство» и «унеятство» еретика Арсения, а ключевая тема затронута вскользь: «Я его обрел в Киеве, и, зная он тот язык, говорил с полковником, и я взял его, а он не мой старец».

Полковник – это Силуян Андреевич Мужиловский, через которого Паисий вошел в контакт с вождем нарождавшейся казацкой республики. Но без Арсения Грека, владевшего «славенской» речью, диалог двух сторон едва ли бы состоялся. Знание помимо греческого и других «диалектов» (латинского и, возможно, турецкого), чему способствовали девять лет учебы в Венеции, Риме и Падуе, жизнь в Стамбуле, очень пригодились «черному попу» из Греции, поселившемуся по рекомендации польского короля в Киево-Могилянской академии, когда в июне 1648-го на всем Приднепровье утвердилась революционная запорожская власть. Подозреваю, что ученый монах в поле зрения Хмельницкого попал не случайно. Богдан Михайлович вполне мог знать о «подвиге» Арсения, излечившего от припадка каменной болезни самого Владислава IV, за что и удостоился высочайшего направления в Киев под крыло местного митрополита Сильвестра Коссова. Скромный инок, немало переживший и повидавший, едва не сделавший головокружительную карьеру (за два-три года из рядового монаха поднялся до кандидата в епископы Мофтонские и Коронские), освоивший в Падуе врачебную науку, как никто, подходил на роль личного переводчика и медика гетмана Хмельницкого.

Сохранились сведения о привлечении Адамом Киселем – главным переговорщиком Речи Посполитой – к консультациям с Хмельницким о перемирии Сильвестра Коссова. Не монах ли Арсений, родом из Фессалии (г. Трикала), в качестве переводчика сопровождал митрополита Киевского на встречу с гетманом?! Так или иначе, а к приезду патриарха Паисия в Киев в середине декабря 1648 года ученый грек вошел в доверие к Богдану Михайловичу. И гетман, посовещавшись с иерусалимским владыкой, отпустил в Москву того, чьи знания и опыт должны были помочь склонить русский двор к вступлению в войну с Польшей, о чем в ту пору мечтало почти все население Украины. К сожалению, миссия Арсения Грека пресеклась на старте. Арсений Суханов про «дидаскала» известился от монаха Иоасафа, казначея Паисия. Тот, по-видимому, накануне вечером и переполошил хозяина, и ему же кто-то из киевлян неосторожно высказался об Арсении.

Иван Тургенев привез оба «извета» в Москву 25 июля. Ученые монахи опередили его на тринадцать дней и положенный правилами расспрос в Посольском приказе уже прошли, ни о чем дискредитирующем старого товарища не обмолвившись. Однако угроза не миновала. Ведь они могли проболтаться и позднее, при любой подходящей оказии. Так что Тургенев поспел вовремя. Учителя риторики немедленно вызвали к судьям – Н. И. Одоевскому и М. Д. Волошенинову, которые к вечеру уличили монаха в том, что тот за короткий срок перебывал «униятом… бусурманом и потом… опять… униятом и во всем стал еретик и диявол», а в Россию заявился «еретическия плевелы сеять». Ночь и еще сутки арестант провел под охраной в доме Тимофея Степановича Владычкина, «в Белом городе, на Кулишках у Николы Подкопаива, у городовые стены». 27 июля государь вынес вердикт, почему-то довольно мягкий, – ссылка на Соловки для исправления с отдачей «старцу доброму под крепкое начало».

Если мы вспомним, какой епархии до 1682 года принадлежал Соловецкий монастырь, Новгородской, то можно подумать, что сам Никон позаботился о судьбе опального. Как раз нет. С 24 марта 1649 года он обретался в Великом Новгороде. Значит, Арсения спас кто-то другой, причем осведомленный о благосклонности к старцу митрополита. Кто же?

Судя по всему, Б. И. Морозов, ибо отправкой на север «дидаскала» занялся не М. Д. Волошенинов, один из судей и светский хозяин Новгородского края, а дворецкий А. М. Львов, старый приятель Бориса Ивановича. А коли так, то контакт между греческим патриархом и русским боярином, по-видимому, все-таки состоялся. Определенно, при посредничестве Никона, разумеется, сугубо конфиденциально, зато с любопытным результатом: обе стороны сочли за благо не торопить события, почему Никон и отлучился в Новгород, а Арсений обосновался учителем в Москве.

О наличии у старца высоких покровителей в Кремле летом 1649 года свидетельствует и то, что перед самым его отъездом на Соловки, 30 или 31 июля, в инструкцию для игумена Ильи вписали имя «старца доброго». Опять же кого-то при дворе очень волновало, чтобы ученый грек попал там, на острове, в хорошие руки. Этот кто-то не поленился навести справки и, взяв на себя функции монастырского игумена, конкретизировать, кому лучше надзирать за Арсением, – «уставщику старцу Никодиму». Арсения привезли в Соловецкий монастырь 1 сентября 1649 года. Монахи встретили его настороженно, и прошло какое-то время, прежде чем монахи оценили кроткий и покладистый характер еще не старого, лет сорока, грека. Он легко приноравливался к нормам и обычаям тех краев, куда заносила судьба. Приспособился и к соловецкому распорядку, быстро вжившись в коллектив обители и завоевав уважение большинства братьев.

Конечно, и Никону, и Морозову пригодился бы специалист-полиглот, разбиравшийся в католичестве, исламе, православии по-гречески, знакомый с Богданом Хмельницким. Только ссора с Ванифатьевым грозила катастрофой: протопоп не простил бы Никону переориентацию на партию войны, возглавляемую Морозовым. Отец Стефан разозлился на патриарха Иосифа за неодобрение единогласия. За малейший признак сочувствия тем, кто ратовал за разрыв с Польшей, покарал бы жестче и безжалостно по сути, хотя по форме опала выглядела бы благопристойно: неугодный по служебной надобности покинул бы Москву, причем надолго.

Насколько тема войны неприятна Ванифатьеву, хорошо все уяснили на отпускной аудиенции патриарха Паисия 6 мая 1649 года. Внешние почести не обманули владыку. То, за чем он приехал в Москву, в ответной речи отсутствовало. По украинской проблеме царь предпочел отмолчаться. Однако Паисий через А. М. Львова и М. Д. Волошенинова настоял на обнародовании официальной позиции Алексея Михайловича. Требование удовлетворили 9 мая. Львов и Волошенинов навестили патриарха и огласили мнение государя: «У его царского величества с великими государи короли польскими… вечное докончанье. И его царскому величеству своих государевых ратных людей на помочь войску запорожскому за вечным докончаньем дати и войска запорожского з землями в царского величества сторону приняти нельзя, и вечного докончанья никакими мерами нарушить не мочно. А будет гетман Хмельнитцкой и все запорожское войско своею мочью у короля и у панов-рад учинятца свободны и похотят быть в подданстве за великим государем нашим… без нарушения вечного докончанья, и великий государь наш… его, гетмана, и все войско запорожское пожалует под свою царского величества высокую руку и приняти велит». На худой конец, если поляки потопят революцию в крови и восстановят контроль над Малороссией, русский двор обещал гонимых и теснимых единоверцев у себя «приняти без земель».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.